

СМЕТЧА

★ ЖУ

И ★

МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ

1926

№

4

Кр-чу Михайлову (Москва).
Тебе нужно учиться, писать еще
лучше, стихи очень слабые — из-за твоей
малолетности.

Б. Ягину (Серг). Рассказ не
имеет смысла — напечатать не можем.
Е. Мечетину (Красноярск). —

Прежде всего Вам нужно серьезно
заняться самообразованием, без этого
не удастся ни хороших, ни хороших
стихов.

Писателю не выдерживает крити-
ки. В поэме «Ленина» — невероят-
ное нагромождение. Вы говорите и
о смерти, и о гражданской войне и
об убого и о мужиковской политике
и многое другое. Своего читателя
Вы попускаете, повторяя очень
плохую строчку: «Не плачьте, что
плачут» (у Вас «плачут»). В «Ле-
нине» — Ленин — Вы говорите о зим-
них морозных ночах в Пеккине — та-
кого не бывает, об угнетенных кули,
которые почему-то у Вас «вечно
в пламе, дыму и огне» и и. другое.

П. Зюмари (Ташкент). — Ваши
рассказы для начала производят не
плохое впечатление, хотя в них
много неадекватности. Видно, что
у тебя есть способность рассказы-
вать, но еще недостаточно умения
строить свои вещи. В «Любови» —
скокман конец, для целостности здесь
нельзя было ограничиться одним
воспоминанием, а необходимо было
дать возможность объективно изо-
бразить отдельные моменты.

«К Новой жизни» — хорошо по
отдельным деталям — свинный, хлебоб
и подачей, но все в целом —
только плод, оторванный от жизни.

В рассказе «Приписочник в кре-
пости» — для того, чтобы «милый
авантюра» получился рельефней,
необходимо ее усложнить; расска-
зывать не дает полностью. А начи-
нание это — интересное.

Читая, наблюдая за приемами
авторов.

Стихи твои — очень плохи. Кроме
больших ошибок, замечаешь, что
большая проза не больше. Много
строков с искореняемыми для рифмы
словами: «Пусто», «напысь» и др.

С. Рябцеву (Москва). — Тебе
нужно учиться. Стихи твои очень
нескладны, много неадекватностей.
Можно ли говорить: «Я родился
во мраке неведомых» или «Гниет
масса трупов» — вместо «Трудные
массы» и др.

А. Кузнецову (Верхуленд). —
Твои стихи очень плохи. Видно, что
ты очень слабо литературно развит.
Можно ли, например, так говорить:
«разбей врагов, брось бомбу, кроме
коммунизма, будто коммунизм или
бог или враг. Советую тебе за-
няться самообразованием».

Е. Лама (ст. М. Чинковский). —
Писателю очень плохо. Очерк не
имеет смысла. Стихи твои очень
отдаленные темы без каких-либо
художественных достоинств. Не-
сколько удивляют постоянные по-
вторения о тишине, молчании и пр.

Не пойдем.
М. Попельхер (Ростов на
Дону). — Очерк неадекватен.

Е. Глигтерник (Ленин-
град). Стихотворение хорошее. По-
говаривать где-либо устало. Может
быть, в журнале «Пионер».

К. Комарову (Ленинград). —
Ваши стихи нельзя критиковать,
так как во многих случаях у Вас
отсутствует первоначальное умение.
Чувствую, что Вы есть о чем
писать, так как даже при плохой
технике Вы не свистаете на изби-
тые темы и на подражание, но еще
слишком много неуверенных строчек
с неадекватными синтаксическими
смыслами. Нужно серьезно
поупражняться в четкости и пра-
вильности фраз, чтобы стихи облегли
Ваша мысль.

Л. Шапошникову (Воронеж-
ский губ.). — Присланный рассказ-
очерк напечатать не можем. Присе-
щение жалованно неудачливо. —
Кроме того, его нельзя считать исто-
рическим, как это Вы делаете в по-
этике.

А. Нироманову (Москва). —
В стихотворении много неграмот-
ности, ошибок, ошибок, ошибок (о
не имеем) «поразил» (о нас и
пр.). К печати не годится.

Б. Негину (Вологда). — Стихи
твои не плохи. Следует совершен-
ствоваться в искусстве — запоздало.
«Деревенский вечер» — пересла-
м в журнал «Крестьянский Молодежь».
Будут новые — присылай.

И. Архангельскому (Севасто-
поль). — Переслали в ред. журнала
«Пионер».

А. Монсозону (Н.-Новгор.). —
Также заметки нужно направлять
в газету.

В. Яковлеву (Баку). — Очерк
твой не плох. Написан ясно и пра-
вильно. Напечатать едва ли сможем
из-за недостатка места. Пересла-
м в «Комсомольскую Правду».

Б. Ярыкин (Мурманск). —
Рассказ напечатать не сможем, для
журнала он не подходит. В нем нет
цельного замысла ни сюжета.

Просто воспоминания о промисе-
лах, охотах, охотах и охотах на
Севере, и в Сибири — мало харак-
терного. Написано не плохо, но бе-
го. Читатель по прочтении остается не
заинтересованным. Об остальных ве-
щах в данном время сказать да-
лее не имеет возможности.

А. Астафьеву (Тамбов). — В
очерке тема недостаточно разра-
ботана, поэтому она может пока-
заться случайной, тогда как тут
важен вопрос, который нужно сер-
ьезно и разносторонне поставить.
Очерк использовать, как материал
при постановке вопроса о культу-
рности молодежи в целом.

К. Крестьянину (Тифлис). Стихи
переслали в «Комсомольскую».

И. Сергееву (Тифлис). — Ваши
стихи с большими недостатками.
Понски вырваны из контекста, на
Ваши образы. Из-за рифмы Вы Ле-
нина сравниваете с гурлами, вы-
кашиваете такие вещи, как «эго и
эмоги» и словосочетание, вроде
«выкорбав». Но Есенин написан
явно, надуманно. Не пойдет.

НЕ ПОЙДЕТ:

Т. Михайлову (Москва), И. Исаеву
(Рязань), К. О. и и. и. (Саратов).
И. Дроздову (Тифлис), В. Геленко
(Харьков), С. Ципачеву (Харьков).

НЕ ПОЙДЕТ:

Т. Михайлову (Москва), И. Исаеву
(Рязань), К. О. и и. и. (Саратов).
И. Дроздову (Тифлис), В. Геленко
(Харьков), С. Ципачеву (Харьков).

НЕ ПОЙДЕТ:

Т. Михайлову (Москва), И. Исаеву
(Рязань), К. О. и и. и. (Саратов).
И. Дроздову (Тифлис), В. Геленко
(Харьков), С. Ципачеву (Харьков).

Прив.-доц. Н. М. МЕДИКО-ПАШАЕВ
1. Чем об-ясняется недо-
развитие полового органа
у мужчин? Вечет ли это
бесплодие?

Витебск, читателю «Смеши».

Недоразвитие полового органа
у мужчин представляет один из ви-
дов мужской или гермафродитиз-
ма; последнее обусловлено непра-
вильным развитием или деятельно-
стью половых желез (яичек) под
влиянием которых происходит все раз-
витие мужчины. Если недоразвитие
связано с несобственностью органа
к эрекции (напряжению), а тем са-
мим к совокуплению, то, понятно,
он может сопровождаться беспло-
дием.

2. Излечим ли хрониче-
ский насморк и может ли
он передаваться по наслед-
ству?

Н. За-кумов, г. Сумм.

Обычные формы насморка, при-
нимающего порой форму хрониче-
ского страдания, длящегося при на-
личии некоторых условий (простуда
последних лет) — являются сравни-
тельно невинными страданиями и
конечно, не передаются по наслед-
ству. Однако, всякая форма на-
сморка, легко передается от одного
к другому, ибо болезнь эта перемен-
на и заразна. Особым ко-
ммуническим фактором является на-
сморк, имеющий под собой специ-
фическую основу; поэтому не-
обходимо посоветоваться на этот счет
с врачом.

3. Вредно ли половое
воздержание и в каком
времени можно жить по-
ложив жизнью мальчиш-
ка и девочки?

Бриски, Войтискум.

Прежний точный взгляд на по-
ловое воздержание как на вредное
и опасное для здоровья явление
ныне оставлен, и наука нас учит,
что половое воздержание вообще,
и особенно в юношеском возрасте,
когда организм должен расхо-
даться на физический рост и
духовное развитие организма, — не
только не вредно, но чрезвычайно
полезно.

Половое воздержание можно жить
лишь с момента полного физического
и духовного развития девушки или
юноши, что приблизительно соответ-
ствует для девушки 17 — 19 а для
мальчика 19 — 21 года. Преждевре-
менная половая жизнь, растянувшаяся

силы организма, замедляет как физи-
ческого и духовного развития хо-
лодца.

Вреден ли онанизм,
занимаясь ли им девочки
и как от него избавиться?

Бриски, П. Вой-му.

Занятие онанизмом, т. е. противо-
естественным удовлетворением по-
лового чувства, без участия лица дру-
гого пола — является не только ду-
рой, но чрезвычайно вредной при-
вычкой молодых мальчиков и девочек.
При злоупотреблении или длитель-
ном занятии — это отражается на
первом, естественном развитии на-
уственности, способности (потери на-
мнати, понижение способности к на-
укам и пр.) и во многих случаях
приводит к половому бессилию.

Если одного желания и силы воли
недостаточно, то нужно стараться
разрешить половое чувство в нор-
мальном половом акте. В последнее
время с успехом применяется го-
мологическое воздержание.

3. 4. Что представляет со-
бой болезнь, сопровожда-
ющаяся охолодью, темпера-
турой, гноетением и вы-
хождением камня; не мо-
жет ли это перейти в рак?

В. Новостовой, Дайгора.

Описанная Вами болезнь пред-
ставляет типичную форму закупорки
выводных протоков сложных желез
образующихся камнем. Болезнь тре-
бует нередко оперативного вмеша-
тельства. Переход в туберкулез или
рак невозможен. Истинные причины
образования камней в протоках слож-
ных желез еще недостаточно изучены.

6. Как можно избавиться от
вещусков?

Сташкун, Армави.

Небольшие темпы — бурные пятна,
полноценные, но не главные,
образом на лице и кулаке, чаще
у блондинов и особенно рыжеволосых,
повидимому, вызываются воз-
действием солнечных лучей на об-
наженную поверхность кожи (так на-
зываемые ультра-фиолетовые лучи).

Поэтому, если, что лечение должно
заключаться в предохранении кожи
от влияния ультра-фиолетовых
лучей, для чего следует носить или
зеленые зонтики и вуалетки, задер-
живающие указанные лучи.

В качестве лечебного средства
можно рекомендовать 10% раствор
химина в глицерине (смазывание
кожи лица и рук по утрам).

Г. Авербух (Самарканд), И. Авербух (Таш-
кент), С. Стап (Самарканд), И. Зи-
ниту (без ку. адреса), Г. Орд-
лину (Нижн.-Новгород), С. Пасын-
кову (Пятигорск).

ОТВЕТ ЛИЧНЫМ ПИСЬМОМ:
И. Быстрову (Оренбург), С. Бор-
зенко (Харьков), Л. Волкову (Мо-
сква), Б. Гаврилову (Дзгетан),
М. Поляевскому (Николаев),
Е. Борзенкову (Роман), С. Ямар-
ковскому (Изм.), В. Орлову (Ново-
черкасск), Н. Башлову (Иркутск).

СОДЕРЖАНИЕ: Г. ЦУР-МЮЛЕН — Спасение родины (перевод А. Тарасова-Родина). Н. БОГДАНОВ — Первый шаг. Э. БАГРИЦКИЙ —
Деятельный год. П. ПЕТРОВСКИЙ — Стихи, Перекоп. Б. ВИНТЕР — Что такое меткий стрелок? С. КАМЕНЕВ — Как
поставить стрелковый спорт. А. ЛЕВИ — Сила будущего. ИНЖ. БРАНД — Юбилей свеч. Н. ПЛАВНИЛЬЩИКОВ — Мертвая хватка.
М. ПОПЕЛЮХЕР — Письмо, которое дало «Подзатыльник».

Иллюстрации: В. ЕФАНОВА, П. СТАРОНОСОВА, Е. КАЛМАН, В. СУТЕВВА. Снимки «Руссофто», З. Че-
ботова «Wide World Photo». Н. Ягужинского.

Обложка работы В. ДОБРЮЖИНСКОГО.

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, угол Черкасского переулка, Л № 6/7, Тел. 1-8-18

Рукописи принимаются, написанные на машинке или чистое от руки на одной стороне листа.

СМЕНА

ТРИ НЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
ИЗДАНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
РОССИЙСКОГО ЛЕНИНСКОГО КОМУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗВ. «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1926 ГОД.

На 1 год	— 24 ном.	... 4 руб. 10 коп.
6 мес.	— 12	... 2
3	— 6	... 1
1	— 3	... 40
Отдельный №	...	25

Полуско принимает отдел Периодической литературы
Изданий И-ва «Молодая Гвардия»
Москва, Новая площадь, Л № 6/7.

№ 4

ФЕВРАЛЬ

1926 г.

СПАСЕНИЕ
РОДИНЫ

ГЕРМИНИЯ ЦУР-МЮЛЛЕН, авторизованный перевод А. ТАРАСОВА-РОДИОНОВА

воротничка, он робко вошел в кабинет правления. Старший сын хозяина сидел за письменным столом и задумчиво курил толстую сигару. Майер жадно глотнул ее густой сладкий запах, — сам-то он совсем бросил курить с тех пор, когда все так надоржало.

— А это вы, любезный, — приветливо сказал господин фон-Либке.

«Ну, слава богу это не пахнет расчетом», — подумал Вильгельм Майер и, вытянувшись, по старой привычке по фронту, отразился: — Честь имею войти, господин капитан!

Молодой директор улыбнулся. — Мне нужно поговорить с вами, — любовно взглянув на его фашистский значок, добавил, — присядьте, любезный.

Скученно и неловко приткнулся Майер на самый краешек стула.

— Меня радует — сказал фон-Либке, — встретить в вашем лице настоящего немецкого патриота, и противу стоящий на столе ящик с сигарами, он предположит — закурит, мой друг.

Величайшее счастье охватило Вильгельма Майера. Вот оно — настоящее братство всех истинно-немецких. Сам господин директор называл его: «мой друг», утешает его сигарой. И прощальными руками, закурив, он слышит.

Фон-Либке внимательно наблюдал. На быстрое его чувственное гора промышленная и быстро спряталась усмешливый улыбка.

— А вступили ли вы, голубчик, в нашу Германско-Народную партию? — спросил директор, немного помолчал.

Вильгельм Майер приходилось уже много и читать и слышать про эту партию, но ему в голову не приходило, что и он тоже может в нее вступить.

— Нет, господин-капитан.

— Сегодня вечером там будет собрание. Мы сможем бы даже отправиться туда вместе. Забудьте как я мной час в восемь вечера в мой особняк.

— Это — единственная партия, которая сможет спасти Германию.

— Да, господин-капитан, — и тут у Майера нежданно разлился язык. Восьмью его страстная любовь, и родине, и горечи, и нежности, и притом, все, что он годями таил в глубине своего сердца, — все это вырвалось теперь наружу бурным потоком горячих слов. Он все говорил и говорил, пока слезы умиления не навернулись на его глазах, а горло не сжалось горький клубок.

Фон-Либке подавил предательский зевок и нетерпеливо закончил:

— О да, да, конечно... только вы, пожалуйста, не отказывайтесь и будьте равно к восьми... и пойдите, пожалуйста, с черной лестницей, у нас знаете ли, могут быть гости.

Возвращаясь домой с собрания, Вильгельм Майер чувствовал себя так напавшим, как ни когда. Наконец-то он не одинок более душой и отчужден. Он был весь напоен этими звонкими словами: «патриотизм», «внутренние враги», «жидовщина», «буржуазия», «проклятые коммунисты». А как лестно ему, что теперь он так близко знаком с очень многими весьма действительными господами. А директор, так пред предложил ему даже говорить друг другу «ты», ну, конечно, только при встречах на их партийных собраниях...

... Вильгельм Майер сделал некоторые промах. Дело было в субботу после обеда, когда он только что услышал радостную весть о

Иллюстрация
В. ЕФАНОВА

... И Вильгельм Майер купил себе фашистский значок...

«О, родина святая. Какое сердце не дрожит, тебя благословляя».

Некрасов.

ТРИ бесконечных томительных года просидел Вильгельм Майер в английском плену.

И когда кончилась эта злосчастная война и после долгих мучительных переступов на границу родной страны, его сердце пылко забило, и непрошенные крупные слезы спрыгнули со щек. Он нежно склонился и горько поцеловал родную землю. И, продолжая путь дальше, этот обычно такой молчаливый и замкнутый в себе солдат ласково улыбался, словно ребенок какому-то встречному деревцу, каждому домику как своим старым и милым друзьям.

Его спутники горячо рассуждали и спорили между собой о революции, о бегстве императора, о том, что теперь в стране — республика. Но какое дело до всего этого было Вильгельму Майеру. Ведь Германия осталась все тою же Германией, его негалактической родиной, теперь разбитой и униженной, но от этого еще крепче и нежнее любимой.

О, мы сумеем, да, мы сумеем, опять воздвигнуть Германию, — шептал Вильгельм Майер, восторженно сверкая глазами. Маленький и теснелукий, он чувствовал в себе наплыв таких богатых сил, что готов был один перевернуть весь мир ради счастья родины страны.

Его возвращению не дождался никто. Родители его померли, а единственный брат погиб на войне. Однако он вернулся в тот же город, где работал до войны. Как все изменилось с той поры. Где старые товарищи, друзья? Война всех развела.

У старых хозяев торговой фирмы, к которым Майер пошел, его встретили довольно приветливо. Правда, прежнее хорошее место было давно занято другим, но если он хочет, то может поступить кладовщиком.

Старший сын хозяина, молодой господин фон-Либке стал теперь директором фирмы. До этого он служил офицером в том же полку, где Майер был солдатом. Капитана фон-Либке не любил солдаты, но Майеру было теперь так приятно встретиться даже и с ним.

— Надеюсь, мы сможем безупречно поладиться на вас, — сказал Майеру молодой директор. — В наше смутное время нам особенно нужны именно такие люди, как вы.

Вильгельм Майер поклонился, польщенный. О, конечно, на него смело можно будет полагаться.

И он с радостью поступил кладовщиком.

Политикой Вильгельм Майер никогда не занимался. А теперь, озабоченный судьбою своей отчизны, — он впервые жадно набросился на все газеты, что попадались ему под руку. Коммунистические газеты было противно читать. В них какие-то лживые писки старались уверить, будто бы всю эту войну заварила сама Германия, его бедная миролюбивая Германия, на которую и так уже обрушился весь мир. То ли дело, куда приятнее было читать патристические газеты. И Майер читал их с жаром и перил в них каждому слову. И французы ему стали теперь еще ненавистнее, нежели во время войны. День ото дня индее страна как язва — растет нужда. И кто виноват в этом? «Французы», — вопят патристические газеты, — «французы и жиды». Сейчас же в Германии евреи хитро припрятали все свои богатства и прислаиваются к христианам мрут с голоду. А вот в России, так еврей Ленин захватил в свои руки даже всю власть над страной. Тех православных, что ему не подчиняются, он бьет и расстреливает. И те немцы, что называют себя коммунистами, тоже — евреи. Они хотят заключить союз с евреями из России и установить в Германии такой же разбой.

Бешеный гнев и сдвиг горечь жгли Вильгельма Майера, когда он, захлебываясь, читал эти статьи.

И Вильгельм Майер купил себе фашистский значок — маленький крестик с погнутыми концами. Приколыв его и петачуку, он почувствовал себя как бы посвященным на великий подвиг. Пусть теперь всякий видит и знает, что родина для него дороже всего.

Были, конечно, и у Майера другие заботы. Жалованье ему платили на удивление крохотное, а жизнь с каждым днем дорожала.

...

КОГДА Майера неожиданно вызвали в кабинет к директору, он перепугался. «Неужели директор что-либо заметил за мной? Заблуждены приглядывал на себе поносный костюм и старательно соскребал грязь научившего

— Вот оно, — настоящее братство всех истинно-немцев. Сам гос-поди директор называет его «мой друг» и просит закурить в своем присутствии!...

вот... этот проклятый холод... и удивительно

дешевое пальто. Господин фон-Либке нетерпеливо оправил новенький гевельский сшитый костюмчик с желтым шелковым платочком, задорно торчащим из верхнего кармана.

Мне очень некогда, любезный Майер, и, кроме того, вы сами должны знать, как тяжело сейчас нашей фирме. Одна только жидовская конкуренция что стоит...

Он mildly улыбнулся и дружески хлопнул Майера по плечу.

— Настоящие немцы должны именно теперь уметь безародно переносить необходимые невзгоды, любезный друг.

..

ПРОШЛО уже целых полгода, как Вильгельм Майер состоит членом Германско-Народной партии. И вот, как-то вечером, перед окончанием работ, его опять срочно вызвали в контору, к директору. Тот был не один. В удобном кожаном кресле сидел пожилой господин военной выправки, которого Майер несколько раз до этого встречал на партийных собраниях.

— Вот, этот самый... ваше превосходительство, — почтительно сказал фон-Либке, и острые глазки пожилого господина испытующе вонзились в Майера.

— Я слышал от моего друга, господина фон-Либке, — сказал тот наконец, — что вы один из преизбранных членов нашей партии. Хотите ли у вас достаточно мужества, чтобы рисковать своей жизнью ради спасения нашей родины?

— О, конечно, да! — восторженно воскликнул Вильгельм Майер.

— Кому-нибудь из наших надо то что бы то ни стало проникнуть в партию коммунистов, — продолжал пожилой господин. — Вам нечего, конечно, объяснять, какую величайшую опасность представляют эти негодяи для Германии.

Как не понимать, — торопливо подтвердил Майер.

— Так вот, смогли бы вы пойти на это, чтобы разведать все планы и намерения этого отшельника? — спросил пожилой господин.

— Да, господин генерал, но... я не знаю, право... как мне понравится за это, — ответил Вильгельм Майер, слегка растерявшись.

— Вам придется, конечно, вступить для этого в коммунистическую партию, — торопливо пояснил господин фон-Либке и, заметив отрицательное движение Майера, нетерпеливо прибавил: — на обязанности будете это сделать.

... Сражаться за родину в честном открытом бою и умирать за нее, если надо, — это другое дело. Но, притворно втираться в доверие, лгать и хитрить, отречься от своих убеждений...

Пожалуй, господин зорко следил за Майером и словно угадал его мысли.

— Не забывайте, честный человек, что ведь реаль-но идет о коммунистах, об отроках человечества, о жидках и их холопах. В борьбе со всей этой сволочью разве можно еще думать о чести?

И Майер должен был молча кивнуть головой.

— Вот, так, стало-быть, вы принимаете это поручение. К тому же, от вас совершенно не требуется сразу же разрываться из себя ярого коммуниста. Наоборот, держите себя так, чтобы они думали, что вы все настоящей и настоящей склонялись бы вас в коммунизм.

— Но, ведь, я же не знаю ни одного коммуниста, — проворчал, занесясь Вильгельм Майер.

— Вам придется вступить на завод, где мы быстро встретитесь с этими молодцами.

— Но, как же, говорите вы, поступить на завод, когда и без меня-то вои сколько

ко безработных?

— А это, разрешите уже мне позаботиться об этом, — рассмеялся фон-Либке, — вы можете, хоть завтра же поступить чернорабочим на пушечный завод. У меня есть там солидные связи.

Вы обещаны будете енисейским властям, своим донесениям господину фон-Либке, — распорядился пожилой господин.

— Слушаю-ся, господин генерал.

Если они спросят у вас где вы раньше работали, то назовите спокойно нашу фирму и пожалуйте, что вы вырваны нас за коммунистическую пропаганду, — рассмеялся фон-Либке.

Наступило молчание.

..

НЕ легко далась Вильгельму Майеру его новая работа на огромном оружейном заводе.

Гул машин его оглушал. На третий день вечером, к окончанию работ, Майер до того измотался, что не мог уже больше стоять на ногах, и по выходе с завода он тут же, у ворот, опустил на снег, словно мешок. Руки и ноги дрожали, а в глазах потемнело. Следом спешили два соседа его по работе. Один из них — светловолосый и широкоплечий, рослый детина с голубыми глазами, а другой худой и тощий, черноволосый Макс.

— Вот так потрудились добродушно белокурый, — выходит: стоп машина. Видно, ты не особенно привычен к нашей работе, сердечный.

— Только ты перво-наперво, вставай-ка со снега, — добавил черноволосый, а то, чорт бы всех нас побрал, простудился еще тут.

Белокурый детина отмахнулся, обхватил Майера под руки и одним махом поднял его на ноги.

— Шагай, брат, домой, а то, неровен час, совсем еще свалишься тут, дружище. Да дома хорошенько прогрейся. Жена, думаю, поджидает в пропелловом углу.

— У меня нет жены — уныло потянул Майер, — а, стало-быть, и комната тоже не топленая.

Зная незадачу, но, пойдом тогда с нами, — сказал белокурый, — у меня брат на кухне немножко подтоплено, да глядишь и тарелка горячего супа найдется.

победе своей Германско-Народной партии на выборах в городскую думу. Волнуясь от счастья, он выскочил на улицу. Настречу ему шел господин фон-Либке с шаржиру расфуфыренной дамой. — Ты слышал, — крикнула Майер ему еще издали, — ты слышал, ведь, мы победили! Дама с нахмуренным изумлением оглядела его заплясанный костюм, а господин фон-Либке даже позеленел от досады, но сдержался. — Да, Майер, это уже знаю, — и круто повернувшись к нему спиной. Как ошарашенный, смотрел Майер ему вслед и ничего не понимал. Неужели директор его постигдался?

Но, пришлось Майеру пережить и другое разочарование. Получаемого жалования ему не хватало. А тут до зарезу понадобилось купить новое пальто, потому что старое совершенно износилось. Долго вертел Майер свое пальтишко в руках, хитроумно прикидывая, как бы смастерить новую заплату, но потом вдруг весело расхохотался. Чего просить, неужели директор немедленно же не прибавит ему жалованья, если он попросит его об этом, как друга.

Директор оказался занят, но Майер добился приема и почтительно изложил ему свою просьбу. Фон-Либке наморщил лоб.

— Я очень занят, Майер, а вы пристаёте вдруг к большинственным разговорам о каких-то там тарифных ставках и прибавках. Кто же осмелится предписывать мне, сколько должен я платить своим служащим?

Вильгельм Майер смущился. Да у него и в мыслях-то не было ничего плохого.

— Если, конечно, господин капитан... то уж, понятно, он не хочет быть нахалом... только

И они повели его, прежде чем Майер успел что-либо вымолвить.

Несказанно уютной показалась ему теплая кухня где хозяйничала молодая приветливая женщина. Майер был принят как свой. Жадно глотая горячий суп. Повеселевшим глазами осматривал он эти радужные стены и вдруг остановился на большом, висевшем в раме, портрете. Какое странное и как-будто бы знакомое лицо? Майер взглянул пристальней и прочел: «Ленин».

Людка чуть не выпала у него из рук. Виктор Лоренц белокурой детиня, поймав его взгляд и сказал:— Не дурной портрет-то, не правда-ли?

Майер совсем растерялся и еле выдавил:— Что же это?... Значит, вы—коммунисты?

— Коммунисты — рассмеялся Лоренц. А черноволосый толкун кивнул головой и спросил:— а ты, стало-быть, беспристрастный?

— Да буркнул Майер и густо покраснел. Вот счастливым случаем. Он неожиданно попал в самое ловкое коммунистов. Теперь ему надо будет заводить с ними знакомство тесное. Но ведь, это так гнусно: греться у их очага, есть их суп, чтобы потом их же за это предать. Что же тут гнусного? Ведь коммунисты подлые предатели родины, не заслуживают лучшего отношения. А все-таки вкусный горячий суп встал ему теперь поперек горла и он положил ложку.

Когда после обеда новые знакомые Майера стали толковать о политике, он внимательно прислушивался и думал: чего они врут. Неужели они извращают веру в свое чутье? Только один раз он вконец согласился с ними. Это, когда они стали ругать французских капиталистов. И, пожалуй, ни один член Германско-Народной партии не мог бы ругать их злее, чем этот Лоренц и его черноволосый товарищ—Макс. Майер расчувствовался и всталил слово об исконных врагах родины.

Макс рассмеялся:— Да, это верно. У нас, пролетариев, действительно есть исконные враги, но это не французы и не англичане а свора капиталистов всех стран, Германия ли, Франция ли,—одинаково. Неужели ты думаешь, что наши хозяева такие дураки что и извращают веру в свою сказку об «исконных врагах»? Нет, братишка, когда дело касается их общего барыни или требуется соборно поприжать нашего брата, рабочих, то господа капиталисты самых различных стран моментально и ловко сплываются друг с другом. Тогда твоих исконных врагов—водой не разольешь.

— Но, евреи?—вырвалось невольно у Майера.

— А... еврейские капиталисты?—это, брат, верный кивнул Лоренц—не потому, конечно, что они евреи а потому, что они капиталисты. Ведь, свой-то народ, своих соплеменников, разве их не любишь гораздо сильнее чем?... — Кто же об этом спорит. Свой народ, свою Германию, мы, конечно, любим — да и еще как. Но только запомним, товарищ, мы любим свою, настоящую Германию—это миллионы трудящихся и обездоленного люда. Вот их-то мы коммунисты любим и крепко, брат любим. И не да слухов толкуют... Нет, мы хотим помочь им бед и освободить их от нищеты и врагов.

И ярма не только французских — быстро добавил он, заметив что Майер порывается что-то сказать,—не только французских, но и от ярма наших «родных» немецких а также, успокойся — и от ярма еврейских капиталистов.

— Ага, стало-быть, вот и мы признаете, что свой родной народ надо любить больше, чем чужие народы?

— Надо или нет,—я не знаю, но всегда это как-то так бывает, что братья-близнецы любят друг друга гораздо сильнее, чем остальных братья.

Это очень понравилось Майеру. Вот именно: немцы—это братья-близнецы. Крепко сказано. И этот Лоренц на деле доказал это своим радужным.

... В конце зимы Майер основательно простудился и опасно заболел. Макс ушел его, дрожащего в ознобе, из его нетопленной комнатки к себе и бережно уложил его в свою постель. Ежедневно в обещанный перерыв он прибегал, заглянувшись с завода, чтобы прове-

дать своего больного. Его убогая комнатка была чиста и уютна а у стены стояла высокая этажерка с заполненной книгами. И Майер от всей души восхитился приложением своего заботливого черноволосого друга который часто засиживался за книгами далеко до полночи. Мало-по-малу привык Майер и к висевшим в комнате портретам, и скоро и Ленин, и Карл Либкнехт, и Роза Люксембург стали ему казаться старыми и добрыми знакомыми.

Как-то поздно вечером позвонил усталый с завода, Макс развернул газету с очень странными и неизвестными буквами. Майер робко на нее покосился и спросил:

— Должно быть, это по-русски?

— Нет дружище это по-еврейски.

Ого, значит, ты умеешь читать еще и по-еврейски?

— Ну а как же, раз я еврей.

Ровно что обухом хватил Майера по башке. Он вытаращил глаза на этого человека который целых десять дней так ухаживал за ним, Майером с такой трогательной материнской заботливостью и большую часть своего и без того скудного заработка тратил на покупки для Майера разных снадобий и продуктов. У Майера сперло дыхание.— Ты... еврей?—пробормотал он, заикаясь и краснея, как рак.

— В синагогу, конечно, я не хожу, потому что во всю эту религиозную чепуху не верю, но по национальности—да, я еврей.

Майер схватился за голову. Ему показалось, что череп его сейчас разлетится вдребезги от дикого вихря злости переполнившего воровавшихся мыслей.

НА ближайшем свидании Майер подробно начал было рассказывать господину фон-Либке о перенесенной им болезни, но тот слушал безучастно, нетерпеливо, морщась.

— Да, бывают, стало-быть, евреи и евреи, оборвал Майер, невольно задумавшись.—Совершенно разные, выходит, евреи...

Директор словно взбесился. Вскочил и обвинил Майера предателем родины. Вильгельм невольно сжился, почувствовав себя опять новобранцем в казарме перед разбужившимся капитаном.

— Я приказываю тебе точно исполнять мои приказания, болван, безо всяких расуждений. Как ты смеешь рассуждать, идиот! Понял?

Майер стоял, опешив, словно собака, которую окатили из помойного ведра. Разве настоящие немцы, братья-близнецы, так разговаривают?.. И как это удивительно быстро превратился в болвана! А ведь совсем еще недавно господин капитан сам же напирал на его толковость, когда он отказывался-было от взваленного поручения, боясь провалить дело из-за неумения.

А теперь выходит, что болван, и даже размышлять запрещено раз навсегда... Но сомнения длились лишь миг.

Он, Вильгельм Майер, должен быть преданнейшим членом своей фашистской партии.

В феврале Вильгельма Майера приняли, наконец, в коммунистическую партию. И он был страшно удивлен непонятным и неожиданным ощущением. Враги-коммунисты показались ему гораздо ближе и роднее, нежели сотоварищи—члены его Германско-Народной партии, кулаки студенты и чинаные старички, разговаривавшие с ним с напускною, деланною любезностью. Правда, здесь эти рабочие ребята были подчас очень грубы. Часто, к примеру, обзывали его ослом. Но, все это получалось у них как-то так: так особенно, любя, и Майер определенно чувствовал, что все они на одних дрожжах замешены, и что тут уже действительно, люди братья-близнецы.

Он нарочно старался показать себя деятельным членом коммунистической партии, всегда готовым выполнить любую работу.

Скоро его новые товарищи стали говорить про него: «ну, это сделал наш Вильгельм» или «обязательно надо прихватить собаку Вильгельма». Не жалел рук и пачкался клеестером, он усердно расклеивал по городу их воззвания и временами с досадой ловил себя на весьма грешной мысли, что пожалуй написанные в этих воззваниях—действительно чистейшая я

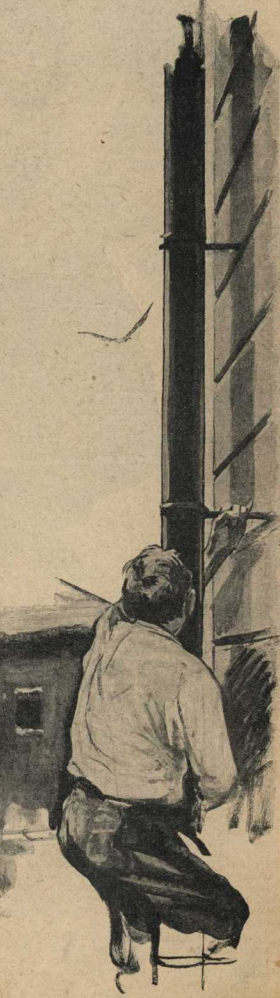
Набравшись духу, он раскрасил глаза и осторожно стоял очно

Господин фон-Либке все чаще стал выражать недовольство работой своего штипа. Майер не доставлял никаких важных сведений.

— Должно-быть, вы здорово боитесь их. мой милейший а?—надсмехался господин капитан.

Майера это взорвало.

Еще на войне я сумел доказать, господин капитан, что страха у ж за мной во всяком

Набравшись духу, он раскрасил глаза и осторожно стоял очно

И тотчас же в воздухе пропала кула, за ней другая. Вильегим Майер со стоном понахлещ

случае не пролилось. — И он язвительно подчеркнул это чуть за мной-то. В самом деле, что за напасть: его упрекают в трусости, и кто же, капитан фон-Либке. И всплыл Майеру такой случай в окопах Шраннеля, свиста, являла воздух. Капитан фон-Либке забился в самую глубь окопного убежища и неистово орал от туда на солдаты: — Наружу, трупы, — пока один из солдат не сресал: — вылезай-ка сам вместе с нами, трусовый тыфок.

И теперь он же упрекает его. Майера, в трусости.

— Не сердись, дружище, — ласково сказал фон-Либке, — я попутал. Но, ведь ты сам же отлично понимаешь, что спасение родины заключается в уничтожении заклятых врагов народа-коммунистов. На днях в нашем комитете стоял вопрос о необходимости поддержать твою героическую работу с материальной стороны. Мне поручено предложить тебе вознаграждение получить от меня в знак признательности родины твой прежний оклад содержания. Кроме того, комитет согласен будет оплачивать каждое твоё важное сообщение.

Фон-Либке достал из бумажника несколько хрустящих бумажных кредитов и положил их перед Майером на стол. Но Майер сидел немысленно и не сделал ни малейшего движения.

— Брось сердиться, дружище, еще ласковее заплакал капитан, — ведь мы же гордимся тобой. И тебе надо будет опять хоть разок побывать

их; на них нападут, их будут безжалостно бить. Крепко сжав голову обеими руками, Майер сидел в мучительном отчаянии, даже не замечая, как пристально за ним наблюдал молодой жидкий господин, что встретился с ним у фон-Либке.

А пожилой господин уже сделал знак капитану фон-Либке и отверг его в сторону.

— Нам честный болван кажется мне сегодня немного похотительным, — сказал он.

— Вам превосходительно обещается. Этот малый абсолютно нам предан, даю в этом пору на отчетение.

Пожилый господин нахмурился.

И они отошли, продолжая свой разговор полупрошумом. Пожилой господин одобрительно засмеялся: — Ну, что же, превосходство Стало-бы, ошибка слуги. Решено.

КАК только кончилось собрание, фон-Либке прямо пошел к Майеру:

— Дружище Вильегим, правда, теперь уже поздно, но я бы тебя очень попросил, заедем-ка, голубчик, сейчас ко мне. Мне необходимо тебе кое-что показать очень срочно. И через несколько минут автомобиль уже свернул в величественный сад, окружавший особняк господина фон-Либке.

Капитан повел Майера на самый верхний этаж. — Здесь никто не живет — объяснил он, —

на нашем собрании. Приходи послезавтра в восемь: вечера где обычно. Возможно, что будет сам командующий рейхсгером. Он уже знает о твоей работе и очень тобой интересовался...

Майер чувствовал себя окруженным шумом и слышал доклады, он не мог думать: «Что за чепуха. Какая жизнь неслучайна». Теперь бросилось ему в глаза и то чего он раньше никогда не замечал: бошная невеста всех этих патриотов к остальной огромнейшей части своего же народа, к рабочим.

Майер в углу и думал своим дум.

Между тем, господин фон-Либке попросил экстренно собраться и при наступившем жутком молчании сообщил, что он только что получил из вернейших источников весьма интересное сведение о том, что завтра вечером в десять часов у коммунистов намечено тайное заседание. Он предлагал немедленно же выделить отряд в сотни четыре отлично вооруженных молодых и взрослых напасть врагов.

Студенты подняли восторженный рев.

Майер задрожал всем телом. Ведь это — их «вернейших источников». По-заверша при свидании капитан фон-Либке битый час миталил его, пока не выпитый об очередном заседании районного комитета коммунистов.

И вот, оказывается, он выдал своего. Снова! Майер, что ты сказал? Да —, свои.

— Но,

и я храню в этом чердачном помещении некоторые вещи, которых неслышно всем показывать.

Они поднялись в пустую чердачную комнату.

— Подожди здесь минутку, милый Вильегим, — я сейчас же вернусь.

Прошло пять минут, прошло десять, а господин фон-Либке все еще не возвращался. Свеча, оставленная господином фон-Либке на столе, — уже догорала. Куда запропастился господин капитан?

Майер шагнул к двери и нажал ручку. Дверь не открылась. Он стал трясти сильнее — напрасно. Он подергал и рванул, что есть силы, — все напрасно.

Он заперт. Попал в западню. Стало быть, он что то подделал и побоявшись, как бы он не предупредил своих товарищей. Поэтому то они и заманили его сюда. Что же они с ним сделают? Убьют? Нет, они, должно быть, решили прозакрывать его наперти, пока покочат с заседанием комитета коммунистов.

Терзаясь тревогой, он нервно шагнул по комнате. В окно начинало ползти бледное холодное утро. Майер подошел к окну, просунул голову и выглянул наружу. Дом был в три этажа, но если не считать его чердачную комнату, — стена возле окна спускалась до водосточной трубы, а внизу расстилалась зеленая лужайка. Неподдалу за ней тянулась высокая железная решетка в каменных столбах. За решеткою сада уже проходили люди, очевидно, стена на работу.

Майер хотел было уже высунуться из окна всем телом, но за садовой решеткой как раз напротив стоял полицейский. Он отпрянул назад. Бежать сейчас — его схватят. Полиция на стороне фашистов. Нет, лучше обходить и, чуть только снова стемнеет, он спустится вниз по трубе...

Первые вечерние тени упали в окно. Голова нестерпимо болела. Со вчерашнего дня он ничего не ел и теперь оставался немощно. Мысли окончательно путались, но отчетливо ясно было одно: что бы то ни стало предупредить коммунистов.

Но вот и смерлось. Майер робко выглянул. Полицейского не было видно. С огромным трудом и пыхтением проглотил он свое тощее тело через узкое окно. За ним обхватил водосточную трубу и повис. Дрожа пробрался по трубе и холодный пот выступил на лбу. Эх, только бы не сорваться вниз, не разбиться бы, да чтобы не заметили с улицы, иначе не удастся предупредить. Набравшись духом, он зажал глаза и осторожно сполз вниз...

С немощной трудностью он перелез через изгородь. Ключная проволока возилась в дугу, но и разорвала глубокую рану. Он быстро оглянулся и пустился, что есть духу, бежать.

Наскоро он добрался до оклепанных улиц, где бежать уже нельзя было. Он быстро прошел мимо городской думы и со страхом взглянул на часы: десять.

Через пять минут он будет там. Но его ноги еле-еле волочились, а хриплые дышание вылетало со свистом. Нет и узенький переулок, в конце которого — дом, где будет заседание. Еще двадцать домов...

Тут он заметил по ту сторону улицы того знакомого студента с обгоревшим наденным лицом, который вчера на собрании орал громче всех: «Приветствие! Приветствие!»

Либке. За ним шло еще несколько других. Значит, уже... Прижимаясь к стене, Майер быстро прокрался дальше. Если его заметят — все пропало, а сейчас нечего-то они, уже наверное предупреждены.

Вот и дом. Ворота — заперты. Он быстро пошел к другой. Напрасно. Посмотрел на верхний этаж, где должно быть заседание. Одно из освещенных окон было открыто.

Студенты остановились дома за три, очевидно чего-то выжидали.

Вильегим Майер совсем потерял голову. Он уже совершенно не думал о своей безопасности и акричал вверх, что есть мочи: — Товарищи! Товарищи!

В окне показалась голова. Майер узнал районного организатора.

— Товарищи, — крикнул он опять, с трудом переводя дух, — сейчас на вас нападут... отряд в четыре сотни фашистов... хорошо вооруженных... это голое сечение.

Свет в комнате погас.

И тотчас же в воздухе пропала кула, за ней другая. Вильегим Майер со стоном свалился. Его глаза еще раз напоследок взглянули на потемневшие теперь окно и закрылись навеки.

Подняв воротники и нахлобучив фуражку, быстро ушли темными переулками четыре студента.

ПЕРВЫЙ ЗАЯЦ

Н. БОГДАНОВ, гравюры П. СТАРОНОВОСА

ПЕРВОГО своего зайца я взял живьем. Было это в самое раздолье.

Такое раздолье — держи свою голову! По раздолью пришел Антонов¹⁾, и округа наша кулацкая и сердитая на Совет за отобранный хлеб, за порезанные овец, черноземная наша округа загудела набатами, била и рвала коммунистов, конечно, и комсомольцев.

— Вот, погоди, нынче — завтра и вам голяшки на дерут, — ехидничала соседка, шепча матери разные страхи.

Заспел я, отискал кусок свинца, который берег вторую зиму, снатал колбаски глины и сделал в нем десять дырочек.

Стал готовиться к самообороне — у меня есть ружье таинственной системы, понятной мне одному, и оно стреляет. Прогнал я мать от печи, в карповый сквородке растопил свинец и залил дырки, а потом стал катать утюгом на сквородке кругляши.

Когда я наготовил пули и перестал шуметь, мать подперла измученное свое лицо сквородкой и сказала:

— Ушел бы ты... от греха.

Я поглядел на сестренку, пятнадцатилетнюю красивую Надьку, на двух братьев, измучающих крепость хвоста у котенка: один держал за голову, другой — тянул за хвост и, когда котенок орав, выныскивал, коновольно изглядывал на брата и ослаблял тягу.

Появляя на них и сказала:

— Уйду.

Забил свои кругляши в бумажные патроны, пороку сыпал на полтора медведя и патроны загнул наглухо. Устроила все — гляжу, а мать концы из чулана выносит, и верно, за одно это прощание можно. Ладно, только гляжу, а Надька без спросу, и не глядя на меня, палец моего Ленина со стены и дерет сверху вниз...

— Брось! — заорала я, — возьми своими руками! — И от горькой обиды обидела я красивую Надьку некоротким словом.

Чуть не плача, взяла я портрет, свернул под мамину и пошла ружье, побескал к Луке — секретарю партии — к единственному моему заступу.

У Луки собралась вся наша братия. Не одного меня выгнали — от всех родные отказались. Тотпанился мы в хате, в сенях, на дворе и ждали — вот-вот вдарят в набат и навалятся на нас всем народом.

— Дум в церковь, отсидимся — каменная она, — предлагала кто-то.

И бегом, бовсь опоздала, лихо заняли мы церковь. Церковь маленькая, голубая, дикого камени; крепкая — не сладимся мы долго.

Нас больше десятка.

Три вышки, мой дробовик... и еще что-то. Разгудываем по церкви так, волнение что-то разбегает, а жена Луки сидит на коврике у решетчатого окна и ищет себе чулок, положив шерсть на аналой. Ее желтые, крепкие, как волчата, ребятишки заглядывают в запертый алтарь — любопытно.

Ходили мы, ходили.

— Эй, собрание, што-ли, устроили!

Устроили. На колокольню, на воздухе веселее. После собрания стояли, сивя шапки, и пели Интернационал, и ветер озорвал нашими локтями.

Гудели колокола.

1) Антонов — известный бандит, руководитель кулацкого движения в Тамбовской губернии.

И, засопев, побежал я по его грязным следам...

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОД

Глуби стаярина под сечами
На трехверстке роши и поля,
Циркулярами и циркулями
Штабы переполнены в края.
По масштабам точные расчеты,
Наизусть зазубренный урок,
На трехверстке проткнулись роты
И переминаются флажки,
И переминаются по кругу
Взвод за взводом...
Скрыты за бургом,
Батарей по кустам, по лугу
Ураганим даними огнем
И воронку за воронкой следом
Роет крот и должен рыть обиды,
Этот фронт —

И, значит, непобедим

Ничего по лискам лежать.

Этот фронт, и, значит, до-отказа

Надо прятаться, следить и жать,

Чтоб на мушке закачался страх

Враг — примериваться и стрелять.

Тяшина, прислушайся упрямю,

Усталям ухом — и поймешь тогда,

Как несетса телефонограмма,

Выгнудившаяся в провода.

Чуть не плача, подрагивает глухо

Провода, протянутые в рань,

Где бубнит телефону в ухо.

Телефона ладя гортишь.

Этот штаб, и стыннут под сечами

На трехверстке роши и поля...

Циркулярами и циркулями

Компаты наполнены в края.

В ночь ползком, и сива руки стыннут,

Взвод за взводом

По кустам залег,

Этот значит — в штабе передидут

Боем утромающийся флажок.

Гайдамака, ссуженного в поле,

Вонь до-тла проела полотно;

Но бурлит

В бутылочных гранатах

Взрычатое смертное вино.

Гайдамака, ссуженного в поле,

Наполнит и с лопатой шиблет,

Офицер его наместо шиблет,

Так, что и костей не соберет.

Катится путинной неперпортой

В даль, в гуляющую под ветром новь,

Кровь, насквозь пропахнутая житом

И пропахнутая дымом кровь...

В нас стреляли, достреляли,

Были нас, и не могли добить.

Эти дни, проиденные навзлет,

Азбукою должно заучить.

З. Багрицкий.

А у хат, у сараев, в тумане, закутавшем всю округу, перешептывались бабены.

— Моляться... конец подхолит.

Вдурт в тумане зачавкала, зачавкала, захлопала, зачавкалась темная масса.

— Идут. — Мы заталили дух, готовились к смерти. Но туман разодрался на островных шапках, и увидели мы не кучу антиновцев, а наш уездный, особое назначения, отряд.

— Наш! — заревел Лука.

— Ур-ра, — орали мы и бросали шапки с колокольни.

«Ах, вы сини, мои сини», — выкомаривал озорник Назарика на маленьких колоколах.

— Целы? — хлопал Луку по плечу начальник отряда.

— Пока целы, мимо гуляет...

— Гуляет, сплоч... — разжигая зеленые глаза, заговорил начальник, — а встречают ваши кулаки шире масленицы... Рекой он пришел, и база его в Темгевене... а может, еще гле; разведку надо. Понимаешь, в чем закладка?

— Вот он проведет, — указал на меня Лука, — он у нас охотник.

— Ага, деляга, вали без задержки, — и два конника сняли шинели и налегке пошли за мной, пристегивая желтые коробки маузеров.

Местность свою капризную я знаю — конем не проехать, пешью не пройти. С какого конца начать. Повел я их на плотину пруда.

— Прорвет, — сказали оба, шлепая по воде, которая начинала итти черес.

Посмотрел я на плотину, на овраг, и хватила меня догадка. — Видишь, указал я на завалы поперечного чужовитого снега с теневой правой стороны оврага, — крепкий снег, прямо до Темгевене доидет.

Потоптались конники на снегу — держит, слеский.

Ходим!

И мы пошли...

СКОЛЬКО я ни шатался по полям и оврагам, ни разу не убивал зайца. Убивал чирят, один раз убил цаплю, но заяц для меня был мечтой.

Мужики и ребята смеялись:

— Возьми соли, на хвост насыпь — готово дело — ружьями бери.

И я верил.

Но первого моего зайца я взял живьем. Мы шли, и хотелось весело подвешивать знаменца над проталинами жаворонков; овраг становился страшной и громадной.

Завалы снега высилась головоружными горами, а под ними, рои пещеры, ревели овражки, выхлестывались в общее русло и буйно качались по каменичному развороченному дну, кружа деревья глыбы снега и каку-то солому.

Поток то налезал на левый элежонный берег, разстравленный солнцем, и захлестывал курчавый кустарник, то валуры бросался на правый берег и вал, подырывал завалы.

Горы снега ухали; дрожал весь берег, и запруженный овраг поднимался до берегов. Мы отбегали от мутной воды, лизавшей ноги, и с восторгом смотрели, как валуры, прорывая снежную гору, кидались овраг косматыми скачками дальше...

Мы подпрыгивали, забегали на черные гребни завалов, чтобы взглянуть, как хлещет, бешут прорывавшийся вал. Мы забывали, что идем на разведку, и, когда затылал реж прорыва и звон жаворонков пробирался озорней, нам хотелось весело им подвешивать.

Холод стал забираться в рукава, за шиворот и неприятно леденить и передергивать. Закружили... Не помогает...

Вертели туман и вода. Раз, два—втяхались по пояс, и нога побесала мне в штаны, скользкая, как заморозженная болотная змея. У меня стало стучать и мутиться в голове, дровник ткнул и казался огромной тяжестью. Я порывался бросить его к чорту в болото.

Не помня себя, я чебурахнулся за ним...

Я шел и поглядывал дичь, а главное—зайца. Скоро овраг уткнулся в крутой берег реки Цим и, зрелая в последний раз, вынужден был бешеные потоки в необъятное стремление разлива. Широко раскестившаяся река разогнала туман и, заборившись на мшистые валы старинного городища мы увидели это самое бандитское село Темгенено.

Его саран подкармливались прямо к нам, и пришлось лечь и запачкаться о сырую землю. Во-о-о они,—указал белообрый конник. И впрямь,—в затоне у затопленных, громадных вест стояли черные свесомленные досканики.

Около них окливание, а когда биволк пригласился, увидели—в зипунах, в подвешках вооруженных людей.

—Точка в точку. Здесь эта база и есть—ликовали конники.

А в гледице на незагопленные острова в разливе и мечтал о зайцах, которые там хороводы водят.

Оползли мы саранки кругом села; конники высчитали силы противника, начертили план и толкали нас, увеселили отдохнуть в овражке, как наверняка можно «наступити» по этому плану.

У сараев бродили верховые; назад на большй овраг не пройдем, и я решился попытаться—пройти новым путем.

Там, в верховых—болота; если они разбухнут, то залезешь наверняка, а, может, и выберешь.

Мы пошли, скрючившись и тыкаясь руками в грязный снег; сзади темгеневская колокольница и с нее должны смотреть антоновы.

Вдруг колокольница, окликившие сараи, село, обобранные ветки с орудиями грачами—все пропало... С реки, с разлива заосканился густой туман и пошел прямо к нам, и до болот к нему потянулись струйки.

—Ага,—конники разогнулись и стали приятно разминаться.

—Бежим,—подбедлил я, поняв туман.—Бежим!

Промокшие сапоги хлопали, ноги ныли от мокрого холода; мы убегали от тумана, а капризный овражек нылял, и нельзя было перейти его, набухший, желтый, большой полянкой.

Там в верховьях, можа выскести—когда-то для осушки болота рыли каналы—по каналам можно выбраться. Но добекать не успели—туман заполнил всю низину.

—Ерунда—сказал белообрый—до села три версты; дуем прямо, не увидим: не раскисли еще болота!

—Померзнем от мокроты,—сказал я, чуж в тумане сдвиги холода.

—Ерунда валий!..

И мы зашагали прямо то втяхиваясь в липкую пашню и едва таща култыки ног, то рохали по желтому снегу, то просто бредя по-колону в воде. Ноги у меня ныли и дергали. Угравшись через десяток шагов регулярно сплевывал и матерился.

Конники отирали холодный пот.

Вдруг вперед плешнуло брызнуло обдало грязью и снегом и пачкая садами поле, поперсе предупуганный петий зайц.

—Агу!—гаркнули конники.

—Стой...—я схватил дровник, но зайц потонул в тумане; ах, чорт! И засопев, почував горячие бешеня сердца побежал я по его грязным следам.

Вот опять он зашелся, и затрепыхался в тумане его болынущие уши; меня взял зазор, и, когда я услышал: «вернись ч-о-орт...» заведет, уязвись!—я снова полез по его следам.

Зайц забирая влево; я тонул то в земле, то в жидком снегу и несколько раз ныл, как он выбирал дорогу получше и отрывал от грязи свои мокрые ноги, передвигая лапы, очуная запачканные бриво, взглядывал в мою сторону.

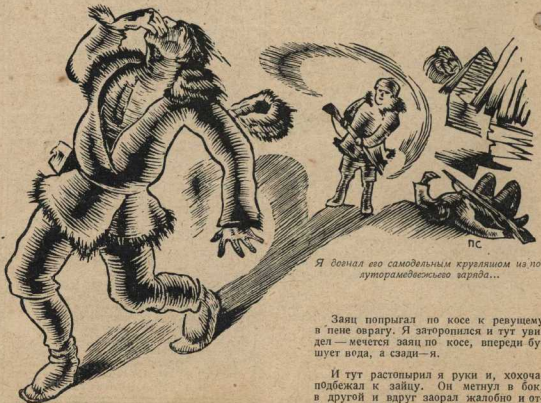
Такой смешной...

Когда я взорел и огляделся—ни конников, ничего.

—О-о-и!—заорал я.—Э-э-э, займал туман. Я орал еще—без всякой пользы.

Только зайц сидел на бугорке под кустиком и торопшил удивленные уши.

—Ах, ты стерва!—я стал подкаркиваться опять, и не дойдя на выстрел, не стерел и бабахнул.

Я делал его самодельным курылом на по-аукторамедвеського зарпало...

Зайц дал фортеля, перекувыркнулся и зачесал показывая локматый зад, опять влево.

Зарядил новый патрон и снова стал мерить затопленное поле. Мои ноги зухели, и в ушах пили телеграфные столбы: у-у-у... гу-у-у... на разные лады.

А в а все шел и не давал зайцу опомниться. Он наступал на задние лапы, поднимался рассматривал меня испуганно негодующе бил ногами и шлепал дальше высоко подкидывая себя, чтобы не зарылся и не тяжелеет.

Я промчал еще два раза и тут заметил—устает зайц.

—Ага... стой, я тебя ужою. Я был—горе охотник. Я не знал, что так за зайцами не охотится.

Он подпустил меня все ближе и ближе, и в глазах его мне чудился ужас. И вот я опять поднял ружье, на этот раз наверняка.

Но тут мне стало страшно—сквозь туман сошлись сумерки, кругом клубится холодная сырость болота; конники теперь плывут и дрогнут—я один... Туман болота... буду бродить день, ночь, пока не усадусь прямо в мокроту и сдрую в этой леденящей сырости.

—Нет...—и хлобастул вверх; страшно одному, с живым зайцем веселе! Пусть бегае!—до конца буду ходить не тинет в пустой туман, а это в роде заманики; бегай,—подумал я.

Туман душил, давил и вездю только видел я кусок желтого снега, петую липкую землю, да синеватую вод болот, а вперед—рыжим, белесым комком маячил и подбадривал зайц. Если бы не он я сел бы и больше не двинулся; но я шел, хотя тихо, чтобы зря не пугать, боясь потерять его. А он попрыгивал осторожно, с оглядкой присаживаясь, где посуше, и отрывал стынущую на лапах грязь. Он весь измок и был жалкий.

—Шго, брат,—грозился я, ему и подмгнул валь—попытайся, в чем дело.

Он прыгал выбирал дорогу, и по его следам я перестал врыкиваться в колдобины.

—Ишь ты проводник какой!—И что-то смутное, вроде надежды выбраться чудом, выбраться из тумана и болот за этим зайцем за ползало в меня и тешей vareжкой грело сердце.

—Не удери, смотри, чудак,—говоря я зайцу,—скажи, брат, где посуше, на тропу.

И зайц прыгал и прыгал...

Сумерки стали густеть. Я едва различал его грязный коник.

Серые, цепкие лапы тынула ночь, и я чувствовал ее смертное дыхание...

Вдруг брызнуло свежим воздухом, замержала синева,—и я заликовал; зайц поддал, я выбежал за ним и унесся; лип нет, туман по низине; а вперед синий пещер и под синим месяцем блеснет мое село и на этот серебряный месяц позваннмат бесонные жаборники.

—Ох,—схватился я за полыхавший огнем голову. До села—один овраг, хотя рев его говорил, что прорвался пруд.

Зайц прыгнул по кося к ревуемцу в тени оврагу. Я заторопился и тут увидел—мечется зайц по кося, вперед бужет вода, а сзади—я.

И тут растопырив я руки и, хохоча, подбежал к зайцу. Он метнулся в бок, в другой и вдруг заржал жалобно и отчаянно кувыркнулся в поток.

Не помня себя, я чебурахнулся за ним и, обхватывая холодом поды и фырка, нырнул и цапнула зайца за уши.

Он еще раз вскрикнул и вдруг помертвел и повис у меня в руках тряпкой.

Напряжён, убиравшись о льдины и какие-то бревна, свалился и падал, ползя на тот берег. Поток крутил меня, швырял и ранил острыми кусками льда.

Я вылез и лег избитым телом на сырую зеленую землю. Поцупал еще теплого зайца и уцупал рукой в отвислом животике зайчат.

— Зайчиха...

Я поднялся, улыбаясь во весь рот и, прижимая и грея ее, побежал домой...

НИКОМУ первый заяц не делал столько хлопот.

Я подробно, начистоту рассказав начальнику отряда все.

— А не врешь? — скрикнул он зубом и так уцепил за плечо и тряпку, что у меня в глазах десятки зайцев проскакали.

Нет! — задохнулся я.

— Чем докажешь, может, все ползов, может ты... — глаза его затуманились, он намеревался представить: ордал, засаду, замученных своих кошиков и будущий поток, уносящий его с размокшей головой в реку...

— Чем докажешь, я говорю! — рявкнул он.

— А зайца-то... а зайца-то... — робко замаялся я.

— Заяц!... гм... да-да-да!... — он помолчал, тупиша и закивал свои зеленые глаза и тихо заговорил мне:

— Зазыбли, значит, ребята, не иначе, там в болотах; ну, вот... ты пойдешь передом; чуть чего... — он потонул к маузеру. — понял?

А, кроме того, беру я заложники: мать, деду и мелкоту, чтобы с корнем. Понял?

Я усмехнулся. Чудак, он не знает, кто мне дорог, — и я оглядел бороваго, родного Луку и стоявших, потупя глаза, ребят-комсомольцев.

Боясь одного: поухал завад; а так пролеу, — трякнул я головой.

— Ты пойдешь передом, понял?..

ПОКА строился отряд, я сбегал домой.

Мать сидела, уронила руки, и не повернувшись ко мне. Красная Нада прпла и под гад самоварихи строило нажда, потирающая курчавым локотком и озорно заглядывая на чашечку-комсомол.

Ребята лепили из хлеба кукол и сгладили их, изображая людоедов, про которых рассказывала им Надака лядоука.

Это же — заложники.

Я влез на пещку, где в ящике на досках лежала зайчиха. Она трудила и часто дышала и мутные глаза не хотели смотреть на меня. Я пощупал, как бьются зайчата в ее теплом животе, и зашептал ей:

— Поправляйся, дуреха... поправляйся. Постой, — просил я вдруг. — Вылечу, ей-ей, вылечу! — ветеринар-то в Темгене!

И я представил: вылечит ветеринар зайчику, и будут у меня по ноде бегать не солзенные, а настоящие пушистые зайчата!

Товарищ командир дозволяет в Темгене ветеринара взять — колют у нас лошади.

— Я-то при чем?

— А все-таки, нес у нас... скажете ему так... по-дружески, он и не откажется, — заговорил я и начался.

— Ладно, и моих коней осморит.

Правильно. Вот это да! — ликовал я и ахерящими слезами. А за мной растинулся отряд. Рядом шел начальник и держал в правой руке маузер, поглядывая по сторонам.

Отряд бумбел все лютее, и нас было не слышно. Снежный заяц померил еще больше, боконные органы ревели под ним, буйствуя в тесных пещерах. Мы переходили их осторожно, косясь на те головокружительные водовороты, которые колокотали, врываются с боков в русло. Какие-то птицы с криком носились над стрелами. Сидели на воде и вертели, хлопая коричневыми блестящими крыльями.

Над проталинками, не переставая, подзавали жаворонки, и где-то белым телом невидимое солнце.

Кончились теперь, а вчера вот, землю топтали — указывая на вчерашние следы, говорили начальник отряда. — Как оно все... да... а виноват — ты!

— Чем виноват, и я бы заяб... все заяц.

— Заяц!...

— Страшный глухой рокот рвущегося завала заглушил наши слова; гай-то крик и я ушел в развороченных члбках; а хлопанием

...На плетне трепалась грязная жаская икурка. Я повалился в снег, заревел...

ПЕРЕКОП

Шли кони по льду Шиваша,
Подковы топчили болами,
Были слышны моря страшный сап,
Был черет бурок, шалок шат,
Они с тобой пошашают,
Шивашека бола.

Бугаков хутор, — Картиказан,
А вон и порт Хоры;
Там выбросили их десант,
За речкой Чатарык.

Бьют судовые номера,
Качают в море борт,
Но наше дружное «ура»
И скалы никак пробыт,
И скалы сломать поплотам
На каменной башке.
А ночью будет в Адамши,
Как приказал наш атаман:
«Снять вражеский ночлег».

Прошел уж Перекосный вал,
Уж слышен пласк смалар,
Уж виден моря синий бисек:
Вот выплывает вымпел —
Шестой, седьмой, восьмой! —
Но песни сабельно смела,
Почата братов.

«Товарищ Гермонов, жди:
Перекос — мы как рассвет,
С черновым маком на знамях,
И не успею допеть,
Придем к тебе на черепях
Врагов», сказала нацели:

— Девушка, на раскля, марш — марш!
Когти Хорлы, оры...
И, с журавлиной песней, стиг
Разверзавши, повеял
В бой сотни. В сабельных вазах
Летит перо бегемотов
Былканов, чак, гак.
Плывут назад огни бланк.

Уходит враг на Перекос,
В разномкнутом строю,
Стой трюнов набросил в бую,
Опять, коней реской развие,
Идешь ты, молодой нацели,
Как дачека сказал:
«Обедаю на том валу,
Куда достать гонимый!»

Дмитрий Петровский.

поглощаемых бешеной водой, загоняемых в край снеговой пещеры, торчали чьи-то ноги и руки, захлестываемые пеной потока...

... материцу выругался начальник. Все повалилось за полса и, оглядываясь на рухнувшую пещеру, чернеющую странной пастью, ползли дальше. А трюны, шедшими сади, играли теперь полза пола, перекурыливая, запыла в снег, запылали за кусты, но не выбрасывали плещер, и мы их больше не видели...

Может, весной пойдут ребятами за ягодами и испугуются.

... Так дошли мы до старинного городища —

крялыми упавшего ворона чернели его валы на углу высокого берега. и видно с тех валов в ясную погоду на большие десятки верст, и река змеится серебряною дорожкою...

У затопленных громадных ветел стояли, как и вчера, свесившиеся досочки.

СТРЕЛБЫ было много... но не страшно было весело бегать и кричать. Убитых как-то и не видел.

Только бегавшему рядом начальнику парень в гармошном салопе из досочек выстрелил в упор в живот и сам, испуганным, закричал и побежал бросая ружье. Я догнал его самодельным кругляком из полуторачувского заграда.

Кого-то сбрасывали с колокодин. а в стрелнице разлива кружились разстрелянные лыжные досочки.

ЗАЙДЕМ ко мне чай пить, — сказал я ветеринару, стаскывая с мокрых развалившейся свое онемевшее тело.

Он закурил желтую, обгрызанную, выдранную трубку и мы двинулись.

— А кроме домашних животных, вы лечите убитые? — пытал и ветеринара.

— Угу, — мычал он поглядывая сквозь дымок трубки своим равнодушными глазами.

— Зайцев, например...

— Даже крысу...

Мы дошли.

Из избы вкусно пахло жареным; выглянула Нада, облизывая губы, а на плетне трепалась грязная жаская икурка... Я повалился в снег, заревел; вечером решил зайчику и зайчатам. А потом ветеринар лечил меня от тифа.

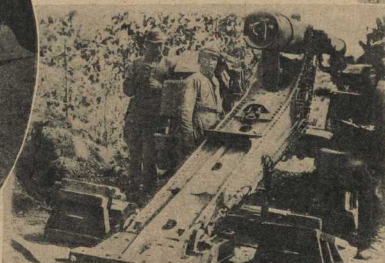
НАШ СТРАЖ—КРАСНАЯ АРМИЯ

СНИМКИ РУССФОТО

КРАСНАЯ АРМИЯ — АРМИЯ ИЛЫЧА—надежный оплот стражи Советов. Снимок изображает прохождение частей мимо мавзолея Ленина 1-го мая 1925 г.

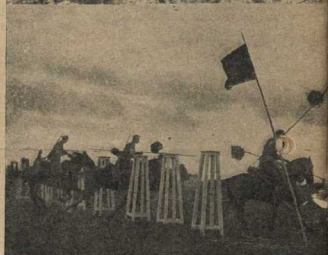
ВНИЗУ: ПЕРВЫЙ НАРКОМВОЕН и первый председатель РВСР — Лев Давыдович Троцкий (старый снимок, относящийся ко времени гражданской войны).

ВНИЗУ: «БУДЕНОВСКАЯ КОННИЦА» — здесь изображены части знаменитой Первой Конной Армии вместе со своими пулеметными тачанками, сыгравшими такую большую роль в гражданской войне.

УСТРОЙСТВО ЛЫЖОВОЙ ЗАВЕСЫ. Последние маневры показали, что химические части Красной армии стоят на должной высоте (слева внизу).

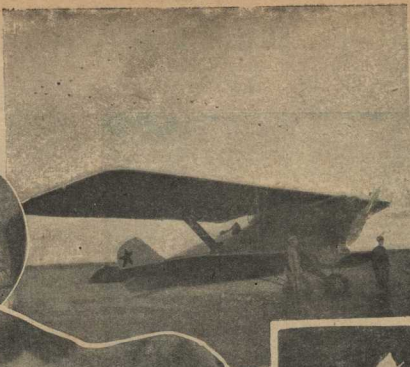
ВНИЗУ СПРАВА: НАШИ ТАНКИ В ЛЕЙСТВИИ—маленький дивизион вовремя наступления на противника (летние маневры 1925 года).

НАРКОМВОЕНМОР ТОВ. ФРУНЗЕ—умерший недавно (справа) и—новый наркомвоенмор тов. ВОРОШИЛОВ (слева) на параде Красной армии в день Первого Мая 1925 г. (Красная площадь, Москва).

СПРАВА: Полая армия в каютой "Союза"

ДВА КРАСНЫХ МОРЯКА: тов. В. Зоф, начальник морских сил Союза ССР,—и Андро Марти—французский моряк-коммунист — почетный краснофлотец (слева).

Примаз
Примаз дити
Закључа

Г. Москва

192

№ _____
Тел. 352-39. доб. 11

Красноярск. Архив. Издательство
государственной славяно-восточной
и большой библиотеки.
Книжка при наличии на фирмен-
ные ее раздаточные материалы
бойцов - молодежи ипотеч-
ной Государственной Работы.
26/1-26. С. Буденный

НЕВРАХ—этот снимок изображает тяжелое полевое орудие, замаскированное на своей позиции.

СПРАВА: КРАСНАЯ КАВАЛЕ-
РИЯ во время конно-спортивных со-
стязаний в минувшее лето. Эти состы-
зания показали высокие боевые качества
красных кавалеристов.

ВВЕРХУ СПРАВА: ТОВ. БУДЕН-
ЧЫЙ И ПИСЬМО — присланное им
«СМЕНЕ» к восьмой годовщине
Красной армии (один из последних
портретов).

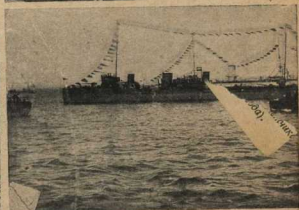
ПОЛИТЧАС В ЛАГЕРЕ—наша Красная является гигантской школой, воспитывающей бойцов за всемирную коммунистическую революцию.

линейного ко-
рабля «Ма-
рат» во время
похода (ма-
невры 1925-го
года).

**ВВЕРХУ: ЛЕТНИЕ
МАНЕВРЫ — ПРОВЕР-
КА ГОТОВНОСТИ —**
наш снимок изображает
перетаскивание пулемета
через реку. — эпизод на
последних маневрах.

**СЛЕВА: ЧИСТКА ВИН-
ТОВКИ** после стрельбы.
Стрелковое дело поль-
зуется большой любовью
в Красной армии, и кадры
красных стрелков ра-
стут.

ВВЕРХУ: СУДА КРАСНОГО БАЛТИЙСКОГО
ФЛОТА на Кронштадтском рейде перед выходом
на маневры.

СЛЕВА: ЭТА ФИГУРА В МАСКЕ со странным аппаратом изображает красноармейца-огнемёт на боевой позиции (маневры 1925 гг)

ЧТО ТАКОЕ МЕТКИЙ СТРЕЛОК?

Б. ВИНТЕР, снимки З. ЧЕБОТАЕВА

ОХОТНИЧЬЕ ВИНТОВКА СТЕПЕКОПИЧЕСКИМ ПРИЦЕЛОМ: над стволом укреплен специальный подзорный прибор, который крестом натянуты нити, могущие опускаться и подниматься, подобно прицелу. Прицеливание производится прямо через трубу на точку пересечения нитей, без помощи мушки.

Вверху **ПОЛЕ ЗРЕНИЯ** ТАКОГО ПРИЦЕЛА, наведенного на цель. Если бы это была неприятельская винтовка, то зритель снимка не стояла бы лопатки в окоп, потому что пуля попадает в место пересечения нитей.

С О ВРЕМЕНИ мировой войны военные командования поняли, что против сосредоточенного огня современной артиллерии и пулеметов устоять нельзя. Отсюда родилось желание довести этот огонь до наименьшего напряжения, увеличить скорострельность пушек и винтовок, ввести автоматическое оружие и заменить отдельную винтовку в руках бойца пулеметом. Немцы еще в середине войны дали блестящий пример такой замены, когда увели во вторую линию окопов всех бойцов и оставили на первой линии только пулеметы, расположенные чуть не через 25 метров. Пока эти пулеметы были бесспособны, ни одна атака не могла удачи: сопротивление такого участка могло быть сломлено только тяжелой артиллерией.

И вот, несмотря на уроки войны, сейчас по всему нашему Союзу идет широкая кампания за организацию массового стрелкового дела.

Почему развирнулася эта кампания? Не отпадает ли за-

чение индивидуального стрелка на второй план в наш век исключительного роста второй техники?

В чем здесь дело?

Во-первых, автоматическое оружие будет действительно мощным средством только в умелых руках. В конце концов винтовка, цель, представляя из себя механизм, с которым надо уметь обращаться для того, чтобы попасть из нее в цель. Нельзя сказать, чтобы мы умели это делать. Опыт мировой войны показал, что наши стрелки для вывода одного противника из строя должны были тратить такое количество выпускаемого ме-

таля, какое равно двойному весу самого стрелка... И это, при наших пятизарядных винтовках! А попробуй представить себе взвод бойцов, вооруженных тяжелыми пулеметами, дающими 600 выстрелов в минуту. Сколько пудов пуль надо будет им выпустить на одного противника, если они умеют стрелять только в воздух?

Такую «раскошу» могло позволить себе лишь царское правительство. Хорошо обученный стрелок будет расходовать в бою на 90% меньше патронов, нежели стрелок, умеющий лишь производить выстрелы.

А затем условия современной войны таковы, что не всегда даже самое усовершенствованное оружие дает перевес. Когда противники сидят друг против друга в окопах, и когда у неприятеля есть несколько очень метких стрелков, то кто может им помешать расстреливать на выбор ваш состав, снимая прислугу ваших пулеметов и минометов и портить самые пулеметы, разбирая их механизм броневыми пулями? Это не один предположения, — в свое время британское командование отделило одного снайпера¹⁾ который своими меткими попаданиями заставлял замолчать целую батарею 150 м/м орудий.

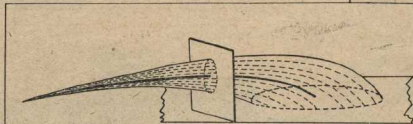
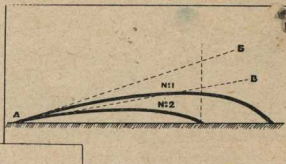
Германские снайперы выполняли из строя англичан на всем фронте по несколько сот человек в день, что в течение месяца давало цифру потерь равную по численности целой дивизии. На румынском фронте германские снайперы делали буквально райские долины. И даже старая русская армия когда она безоружная отступала в 1915 г. с Карпат узнала цену снайпингу. — Нашему батальону, теснимо наступающему немцами гвардейцами был дан приказ отступить из-за недостатка патронов.

Чтобы задержать продвижение противника командир выдвинул 15 лучших стрелков на склон холма впереди окопов с приказом выводить немцев с самых дальних дистанций, в особенности из командный состав. В это время батальон был выведен из окопов и оставлен сзади них, в роще.

После бешеного артиллерийского огня немцы перешли в наступление. Но должны были остановиться, понесли большие потери убитыми и ранеными. Несколько раз они возобновляли попытки, не замечая, что их пулеметы и орудия бьют по пустым окопам, наконец выдохнулись и залегли.

¹⁾ Снайпер — английский фронтный термин для сверхметкого стрелка.

ПОЛЕТ ПУЛИ происходит по кривой линии, называемой «траекторией». Ствол, направленный в точку В, дает траекторию № 2; если же навести его выше — в точку Б, — траектория будет круче и пуля полетит дальше (№ 1).

СЛЕВА — ДЕРИВАЦИЯ или отклонение пули в сторону вследствие вращений, полученное на нарезах. **ВВЕРХУ — СНОП РАЗЫВОВ**, получаемый при стрельбе в одну точку, благодаря рассеиванию. **БЕЗ УХОДА ЗА ВИНТОВКОЙ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ СТРЕЛКА:** наши снимки показывают внутреннюю стволу винтовки до (слева) и после выстрела (справа). Только зеркальная чистота может обеспечить летящее попадание. Внутри видны нарезы (справа).

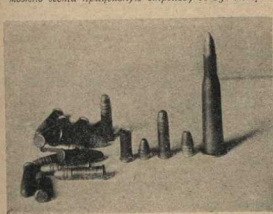
Таким образом, 15 винтовок индивидуальным огнем на 16 часов задержали и приостановили наступление целого полка артиллерии и пулеметов.

Что же такое «снайпер»? Что требуется от стрелка, чтобы он мог нести службу «снайпером»?

В двух словах можно определить так: это тот кто на расстоянии в 500—600 метров в состоянии попасть в голову человека на несколько секунд появляющегося в открытии бойницы. Попробуйте реально представить себе, что такое величина головы, и какой она должна казаться на таком расстоянии и вы увидите, что эта задача требует «совершенных людей и «совершенного оружия». Снайперские винтовки должны быть отборными и должны иметь телекопические прицелы, позволяющие вести очень точную стрельбу.

Снайпера в месяц выработать нельзя, равно как и в короткие сроки призвать на военную службу. Потому и небольшой контингент пополнения рядов «сверх метких» стрелков должен идти или из охотников, или из стрелковых винтовочных клубов. На Западе в буржуазных странах коренно уже значение стрелковой подготовки. В Америке, Англии, Германии, Франции—целая сеть спортивных стрелковых клубов

ПРЕКРАСНОЙ ПРАКТИКОЙ служат упражнения в стрельбе на малокалиберных винтовках. Здесь показана разница в размере боевого патрона винтовки 24 калибра и так называемого «длинного» патрона 22 бокового огня, которым прекрасно можно вести прицельную стрельбу до 130 метров.

СТРЕЛКОВАЯ ПОДГОТОВКА МОЛОДЕЖИ В АНГИИ стоит очень высоко. Вот стрелковая страничка из журнала английских скаутов (малочисленно-разведчиков), которых в Англии насчитывается несколько сот тысяч. Судите сами, каковы там стрелковые резервы!

выпускает ежегодно крупные кадры хорошо обученных стрелков. В английских школах, чтобы перейти из класса в класс обязаны сдать известные стрелковые упражнения и таким образом к призывному возрасту они достигают стрелкового совершенства. В той же Англии

ежегодные состязания подростков по стрельбе (в возрасте от 12 до 15 лет) собирают более 15.000 участников.

У нас в СССР армия перешла к территориальной системе обучения. Малые сроки призыва не дают возможности выработать классных стрелков.

Поэтому мы должны все точно уяснить, что наша стрельба—не забава, а подготовка будущих снайперов, и лишь изучая стрелковое дело и трехлинейную винтовку—именно то оружие, с которым придется иметь дело на войне, можно будет с уверенностью сказать, что будем иметь хороших красных бойцов, сверхметких стрелков.

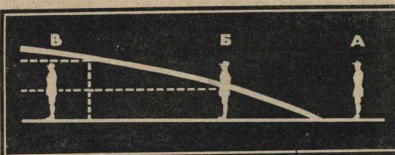
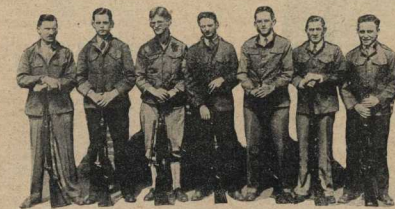
Посмотрим же теперь, в чем заключается трудность, которые должен преодолеть снайпер. Ведь, все дело заключается в том, что он должен на большом расстоянии класть все свои пули в очень маленькую цель.

Разве недостаточно навести мушку на цель, чтобы сразу попасть в нее?

Оказывается, что это не всегда так.

Чтобы было понятнее, мы будем разбирать все по порядку.

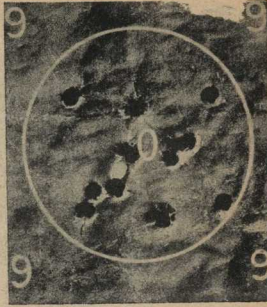
Когда ударник при нажатии спуска ударяет по патрону и воспламеняет находящийся в нем

порох, то в патроннике образуются газы, имеющие большое давление. Стенки ствола достаточно прочны, чтобы выдержать это давление, следовательно прочно заперт затвор, и поэтому единственным исходом для газов является—стремление продвинуть пулю по стволу и выбросить ее на большое расстояние. Они делают это с такой силой, что пуля имеет начальную скорость в 805 метров в секунду, и достаточно опасна еще на расстоянии свыше 3,5 версты.

Затем вступают в права основные законы физики. Летящая пуля не может вечно лететь по той прямой линии, которую составляет продолжение оси ствола. На нее действует притяжение к земле (т.е. ее собственный вес), на нее начинает действовать сопротивление воздуха, через который она пролетает, и в результате, вместо прямой пуля летит по некоторой кривой, называемой траекторией. Чем выше был направлен ствол в момент выстрела (до 32°)—тем короче будет траектория и тем дальше полетит пуля. Во время прицельной стрельбы на 3200 шагов траектория настолько крива, что самая высокая ее точка, находящаяся на расстоянии 200 шагов, имеет высоту и 102 метра, несомненно то, что мы целились в человека, мирно стоящего на земле.

Таким образом мы установили, что есть зависимость между углом, под которым направлен вверх ствол, и дальностью выстрела. Вот по этому-то и нельзя думать, что достаточно только навести мушку на цель, чтобы попасть в нее. Нужно, конечно, чтобы мушка была правильно наведена, но кроме того нужно, чтобы соответствующее расстояние до цели был поднят ствол. И угол подъема должен быть таким, чтобы траектория пули была нужной нам кривизны и пересеклась с целью как раз на ее уровне, а не ниже и не выше. Это достигается устройством

ВВЕРХУ РАБОТА СНАЙПЕРА — международный стрелковый конкурс на это мероприятие, поставленный снайпером американской морской пехоты М. Фишером в 1923 г. Все двадцать пуль—в центре мишени (размер ее немаленький—натуральной величины).

В СЕРЕДИНЕ СТРЕЛЬБА — ЛЮБИМЫЙ СПОРТ молодежи Соединенных Штатов Америки. На нашем снимке изображена стрелковая команда Пенсильванского университета, «высшая школа» «серьезного Вузова» Св. Америки. Следует обратить внимание, что несколько винтовок снабжены телескопическими прицелами—это показывает, насколько серьезно там занимаются стрельбой.

ВНИЗУ: СТРЕЛЬБА БЕЗ ПОЛЕЗНА, ЕСЛИ НЕ ЗНАТЬ РАСТОЯНИЯ ДО ЦЕЛИ: пуля, поражающая фигуру В, совершенно бесполезна для фигур В и А, перелетая или не долетая до них.

поднимающегося прицела. На переднем конце ствола делается «мушка», около затвора—прицельный прозорец. Линия соединяющая называется «линией прицеливания». При стрельбе на небольшие дистанции она почти параллельна оси ствола (высота траектории при стрельбе на 800 шагов не превышает метра, на чем больше расстояние до цели, тем выше поднимается прицел и тем больше становится угол подъема ствола. Тогда при горизонтальном положении «линии прицеливания» ствол будет уже совсем не горизонтальным.

Из всего этого вытекает правило, что попасть в цель можно только тогда, когда известно расстояние до нее (чтобы суметь правильно поднять прицел и получить траекторию, пересекающуюся с целью на этом расстоянии).

Вот первая трудность стрельбы, зависящая от основной особенности действия винтовки.

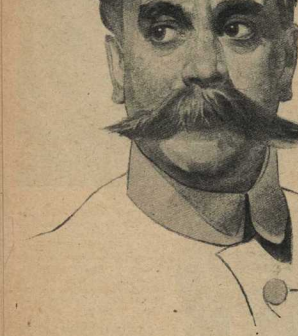
Затем существует еще одно обстоятельство, которое стрелок должен принять во внимание: если прицелившись несколько выстрелов, самая тщательным образом прицелившись в одну и ту же точку,—то все-таки пули не лягут одна на другую, а расползаются на площади некоторого круга. Это явление называется рассеиванием выстрелов. Зависит оно от того, что на один выстрел не может быть совершенно добит предельному. Существенная разница в весе пули или пороха, в скорости горения заряда, в степени влажности и сопротивлении воздуха отражаются на кучности выстрелов.

Кроме этого, для рассеивания огромное значение имеет сохранение винтовки. Английские снайперы, например считают, что полную меткость винтовка сохраняет только на первых

(Окончание на 3-й полосе обложки)

КАК ПОСТАВИТЬ СТРЕЛКОВЫЙ СПОРТ

С. С. КАМЕНЕВ, главный инспектор РК Красной Армии и председатель стрелковой секции Высшего Совета Физкультуры

Е. Каменев

С. КАМЕНЕВ

НЕОБХОДИМОСТЬ развития и значение стрелкового спорта у нас теперь, кажется, не подлежит исключению. Поэтому наиболее интересным вопросом в этом деле должен быть вопрос—как его поставить, каким порядком динуть, очень нужный нам спорт и наперед, что время, которое по тем или иным причинам было нами упущено. Вопрос этот чисто практический, а потому к нему можно подойти без особых предисловий и деклараций.

Прежде всего надо решить, каким образом организовать стрелково-спортивные ячейки. Тут уже у нас имеется некоторая ясность, позволяющая приступить немедленно к делу. Стрелковый спорт, как вообще всякий спорт, должен идти по линии физкультуры, т. е. клубной работы. Стрелковые секции на общих основаниях со всеми остальными спортивными секциями клубов могут быть и должны быть организованы. Основой этих секций является тир, т. е. тир—это лаборатория стрелкового спорта. Отсюда ясно, что в начале работа стрелково-спортивной секции должна выразиться в создании тира и объединении при нем одиночек—спорт-стрелков. Для начала дела спортивно-стрелковые тир могут быть небольшими, т. е. стрелковый спорт должен развиваться на специально-спортивном мелкокалиберном оружии. Спортивное мелкокалиберное оружие дает прекрасные результаты в отношении меткости и кучности боя, и стрелок, овладев стрельбой из этого оружия, может с уверенностью перейти на боевую винтовку. Быстрей мелкокалиберной винтовки не проведет звукового эффекта, и затем убойность мелкокалиберной пули тоже понижена. Следовательно, тир для стрельбы из такой винтовки может быть простейшим, как мы его называем—тиром в подвале или другом пустующем помещении, в котором делается добавочная стенка для перехватывания пули и расставляются мишень. Величину этого тира по длине хорошо бы иметь не менее 30 метров, но если это окажется невозможным, можно сделать и короче, хотя это уже будет в ущерб правильной стрельбе. Постройка такого тира хорошо разработана в Пролетарском Стрелковом Обществе «Динамо», которое любезно предлагает свои услуги для руководства по организации таких малых тиров. В этом маленьком тире удобно стрелять зимой,—его можно отопить и стрельбу производить при искусственном освещении. Летом, конечно, стрельбу надо выносить на открытый воздух, где также придется построить тир, но уже более сложной конструкции. Организация и постройка такого тира описаны в брошюре т. Булгакина «Указания о тирах», изданной ГВБЗом.

Следующим шагом в работе секции должно быть оборудование тира искусством. Прежде всего, надо приобрести мелкокалиберные винтовки. Сейчас у нас в большом ходу мелкокалиберные винтовки «Гекко», которые можно приобрести в магазине того же Пролетарского Стрелкового Общества «Динамо». Винтовка несколько дороже: до 70 р. штука. Но учитывая, что черес эту винтовку будет пропущена не одна сотня стрелков, надо считать цену для тира доступной. Для оборудования тира нужно иметь 6—8 винтовок, можно, конечно, и меньше, но с таким расчетом, чтобы 1—2 винтовки всегда были в запасе, на случай порчи. Кроме этих винтовок, сейчас уже изготавливается винтовка наша, советская, сконструированная т. Смирным. Винтовка т. Смирнского, надо думать, в полной мере удовлетворит спортивным стрелкам по своим качествам. Она метка и также кучно бьет. Вопрос с выпуском этой винтовки несколько задержался по весьма понятным причинам, т. е. каждое новое оружие, хотя бы и спортивное, требует для массового изготовления известной подготовки. Теперь период подготовки, повидимому, закончился и в недалеком будущем можно ожидать поступления этой винтовки для спорта. Точная стоимость винтовки еще не определена, хотя она будет не выше 40 рублей. Окончательная стоимость этой винтовки будет дана уже с учетом всех возможностей для ее удешевления. Винтовка при первых своих выпусках обнаруживает несколько дефектов, которые придется исправлять, и в дальнейшем надо рассчитывать, что винтовка Смирнского будет в полной мере удовлетворять своему назначению.

Для ускорения дела с выпуском этой винтовки следует, чтобы каждая организация или каждый тир заранее сделали бы заявку о желательности приобрести это оружие. Заявку можно направить либо в магазин «Динамо», либо в соответствующий магазин Главного Управления

Военной Промышленности (ГВМП). При заказе надлежит внести 1/4 стоимости винтовки, значит, примерно, 10—15 рублей, после чего, по мере изготовления и получения оружия, заказчик вносит остальную сумму стоимости. Этот несколько сложный порядок получения винтовки, к сожалению, при нынешнем состоянии ее производства неизбежен.

Теперь патроны. Мелкокалиберные патроны также проходят тот путь, что и винтовка Смирнского, т. е. приходится пережить подготовительный период постановки производства. Сейчас и тут имеем отставание перед тем, что в ближайшем, в недалеком будущем мы сумеем изготовить эти мелкокалиберные патроны. Стоимость их, хотя бы на первое время, будет не такой, как этого хотелось бы, но есть уверенность в их быстром удешевлении. До выхода в свет патронов советского производства можно пользоваться патронами для ружей «Гекко».

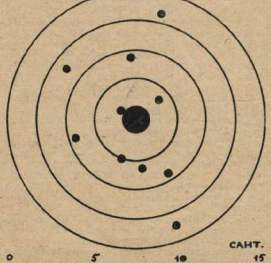
Когда имеется тир, когда он снабжен тирным искусством, можно уже приступить и к обучению стрельбе. Но тут необходима некоторая осторожность: не следует учиться самим, а обязательно надо приглашать инструктора. Это условие чрезвычайно важно, и будет большой ошибкой, если мы на первых же шагах начнем калечить стрелков, а не учить их так, как это следует.

Стрелковой секцией ВСФК сейчас разрабатывается курс специальной подготовки. Само собой разумеется, этот курс будет небольшой, краткосрочный, в несколько упражнений, после которого стрелок идет уже на тренировку. Тренировка на первых шагах также должна проходить под наблюдением инструктора и только после, когда уже стрелок совершенно овладеет стрельбой, он может практиковаться сам. Когда стрелки разобьют себя—по числу выбитых мишен очком—на соответствующие разряды, классы, можно будет переходить к состязаниям в стрельбе. Вот эти состязания будут являться основными толчком для развития стрелкового дела и повышения качества стрельбы. После этого лучше стрелки, показавшие себя на состязаниях, должны быть готовы сперва к окружным, а затем и к всесоюзным состязаниям. Программа всеобщих состязаний, т. е. условия, по которым они будут проводиться, заблаговременно составляются. Вот, собственно, и все, начиная, хорошая практическая постановка стрелкового спорта.

К сожалению, при достаточной ясности—как надо приступить к стрелковому спорту и как это вести на практике—мы имеем недостаток в оружии и спортивных патронах приходится развивать это дело постепенно. Вот почему сейчас нам интересно, чтобы те спортивно-стрелковые секции и тир, которые уже на местах образовались, обслуживали бы возможно более широкую округу, т. е. чтобы к существующим тирам были приспаяны стрелковые секции из ближайших клубов.

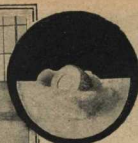
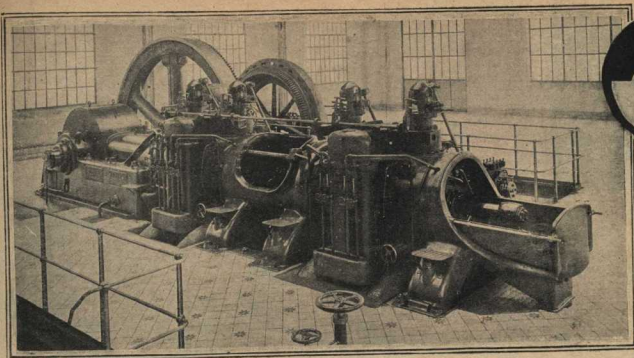
Конечно, каждый тир имеет определенную свою пропускную способность, но желательно, чтобы она была использована в полной мере. Надо и с небольшим sense количеством спортивного имущества и тиров обучить возможно большее число стрелков.

Несмотря на все трудности, которые сейчас у нас налицо и которые чрезвычайно тормозят расширение этого интересного дела, в целом ряде вновь образованных тиров мы видим на втором месяце работы чрезвычайно хорошие и интересные достижения. Так, например, сейчас передо мною мишень 16-летнего стрелка, козевенника Тарасова из Таганрога, который на 2-м месяце своего обучения дал 80 очком. Это очень крупное достижение, и, если мы с такими цифрами начинаем, то это говорит только за то, что в тех спортивно-стрелковых секциях, где работа поставлена правильно, мы будем иметь большие успехи.

РЕЗУЛЬТАТЫ СТРЕЛКОВОГО ОБУЧЕНИЯ:
мишень 16-летнего новичка на втором месяце стрелковой учбы. Он выбил 78 очков из возможных 100, положив все пули в тир, имеющий 15 см. в диаметре, на расстоянии 25 м.

Козевенник

ВОТ ЭТА МАЛЕНЬКАЯ АМПУЛКА С РАДИЕМ, лежащая в воде (в черном кружке), — заключает в себе больше энергии, чем может дать мотор, изображенный рядом

СПРАВА — СХЕМА СПИНТА-РИСКОПА КРУКСА, который позволяет видеть непрерывное распадение радия на атомы. В темноте через стекло С видно, как ила А, опущенная в раствор соли радия, разбрасывает мельчайшие частицы, светящиеся при ударе об экран В.

СИЛА БУДУЩЕГО

А. ЛЕВИ, снимки Н. ЯГУЖИНСКОГО

БОЛЬШИНСТВО тех машин, которые дают нам электрический ток, отапливаются нефтью, или каменным углем. В больших городах этого топлива сжигается для одного освещения сотни тысяч пудов.

Так вот: позволяйте задать вам один вопрос: много ли надо топлива, чтобы осветить город Лондон (7 миллионов жителей) целый год?

— Всего 60 пудов...

— Как? И Лондон тратит сейчас только 60 пудов топлива, чтобы осветить себя целый год?

— Нет, сейчас он тратит миллионы пудов. Но мог бы не более 60...

Так в чем же дело? Что это за топливо? Откуда у него такая неимоверная сила?

Это мы сейчас объясним.

Если вы смешаете порошок с песком, опилками, серой или паклей, — зажжете потом этот порошок, то он будет гореть медленно. Никакого взрыва не получится. Сила пороха будет привлекаться медленно, как будто скованная. Она медленно выделится с теплом и светом, — и только... Но дайте этому порошку сгореть не медленно, а быстро — и он взорвет. Он сразу выбросит всю свою силу, что в нем есть. Дайте теперь простому углю медленно тлеть; тогда положенный в него гвоздь накалится — и только. Но заставьте тот же уголь сгореть быстро ярким пламенем — а для этого раздувайте огонь сильными мехами — и уголь расплавит гвоздь.

Действие силы тем разрушительнее, чем скорее эта сила проявляется. Из приведенных примеров это совершенно ясно.

Теперь пойдем дальше. Что делается с углем, когда он горит?

Химик рассказал бы нам следующее. Кусок угля состоит из миллиардов мельчайших пылинки — таких мелких, что их ни в какой микроскоп не увидишь; их называют — атомами. Когда уголь горит, то атомы угля соединяются с атомами одного газа, которого много в воздухе; этот газ называется — кислородом, потому

что от него почти все окисляется. При окислении углерода, из которого состоит уголь, и получается жар и свет (огонь). Это окисление угля происходит и без поджигания угля. Если куча каменного угля будет долго лежать на воздухе, то она разогревается, и куча даже может сама загореться. Но от такого медленного окисления нам нет никакого толку. Наоборот — один вред: только уголь пропадает. И совсем другое дело, если мы ускорим это окисление огнем — просто подожжем уголь. Уголь тогда жарко загорится и даст много тепла и света, которые можно пустить в дело.

Итак, и при медленном, и при скором окислении уголь распадается на атомы. Эти атомы потом соединяются с атомами кислорода и дают свет, тепло и работу.

Но, оказывается, что это еще не все. Атомы тоже состоят из мельчайших частичек. И эти частички (электроны и протоны) постоянно выпадают из атома, а атомы от этого рассыпаются.

Одни атомы рассыпаются очень долго — несколько миллионов лет. Другие рассыпаются скоро. Например, радий распадается 2500 лет и из него получается два вещества — гелий и эманация. (Распадение радия можно увидеть в приборе — спинтарископе) (рис. 1 С). Эманация тоже распадается, но уже через 5,3 дня — из нее получается опять радий — другого сорта, который называется «радий А»; он распадается уже через 4,3 минуты. Когда атомы рассыпаются, вся та сила, с которой они были сцеплены в атоме, или в атомной энергии освобождается. Ее можно пустить в работу... Но как? В этом пока и есть вся остановка. Все материалы понемногу распадутся: и уголь, и камни, и дерево — и мы с вами... Но все это распадается слишком медленно — и от этого нам нет никакого проку. Правда, мы можем огнем ускорить распадение пороха, угля, нефти, дров — любого горючего — и получить от этого пользы больше, чем если бы они медленно распались сами. Правда, мы умеем уско-

рывать только распадение их на кучки атомов (молекулы) и отдельные атомы, мы умеем освободить при этом только их междиатомную силу или междиатомную энергию, но мы еще не умеем ускорить распадение их атомов на частички и этим освободить их внутриатомную энергию.

До этого мы еще не дошли. Но если бы сумели ускорить распадение, например, металла урана, который сам распадается только в $7\frac{1}{2}$ миллиардов лет, то 60 пудов урана и хватило бы для того, чтобы весь Лондон осветить электричеством целый год...

Вот, что за сила «внутриатомная энергия». Но она — только пока «сила будущего», как когда-то для первобытного человека междиатомная сила топлива была только силой будущего, а не его печального настоящего.

Но о силе огня он еще ничего не знал. А мы уже знаем тайну внутриатомной энергии. И если первобытный человек не имел даже надежды, что он когда-нибудь овладеет силой того огня, который обращал его в паническое бегство, как и всякого зверя, то мы — люди XX века — уверены, что силой будущего мы овладеем безусловно.

И если кропотливые подсчеты нам говорят, что запасов угля и нефти человечеству хватит всего... на 200 лет, а тогда конец от недостатка топлива для наших фабрик и заводов, поездов и аэропланов, — то наука утверждает: «нет, этого не будет». Поручай в этом — «сила будущего». Энергию, эту основу всей жизни, всего, что происходит на свете в живом и не живом, мы извлекаем из атома — во что бы то ни стало!

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР «СМЕНИ»
БУДЕТ ПРИУРОЧЕН К VII СЪЕЗ-
ДУ РЛКСМ

1.—ПОЛУЧЕНИЕ ОГНЯ И СВЕТА:

Было время, когда человек не знал, как получить огонь, чтобы согреться или сварить пищу. Величайшим открытием этого доисторического времени было наблюдение, что если долго тереть один о другой два сухих куска дерева, то они нагреваются и могут дать огонь.

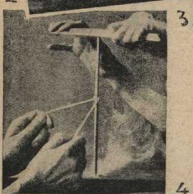

2.—ДРУГИМ ПУТЕМ ПОЛУЧИТЬ ОГОНЬ—

было быстрое вращение сухой палочки в куске сухого дерева. Очень некультурные племена еще до сих пор добывают таким образом огонь.

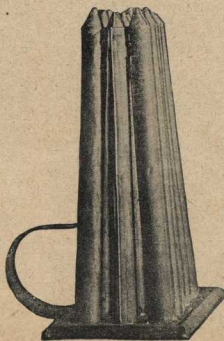
3.—ПОЗДНЕЕ человек нашел, что это слишком утомительный способ для одного. Тогда труд разделили и применили шнурок для более быстрого вращении палочки: огонь стал получаться быстрее.

4.—СЛЕДУЮЩИМ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕМ—было применение лука. Шнурок, посредством которого вращалась вертикальная палочка, привязывался к жилам лука, и тогда появился сравнительно легкий способ получения огня. Он употребляется и сейчас некоторыми племенами индейцев и папуасами.

5.—ВТОРЫМ ВЕЛИКИМ ОТКРЫ-

ТИЕМ было применение кремня. При ударе один о другой двух кусков кремня получаются искры; ими можно поджечь сухой мох или траву.

СЛЕВА — ОСВЕЩЕНИЕ В ТЕ ДНИ, КОГДА КЕРОСИН БЫЛ НЕИЗВЕСТЕН — ручная форма для домашнего приготовления салальных свечей.

СПРАВА СВЕЧЕОТЛИВАТЕЛЬНАЯ МАШИНА — она одновременно отливает 100 штук свечей.

ОТ МАСЛЯНОГО СВЕТИЛЬНИКА ДО ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЛАМПОЧКИ

Ю Б И Л Е Й

Инженер БРАНД

свечей из стеарина. Этим он не только дал науке сведения о химическом составе жиров, но и практиче—полезный и важный предмет домашнего обихода.

Открытый ими способ многократно улучшался и видоизменялся, прежде чем свечи стали изготавливаться существующими теперь способами. Но только изобретение плетеной, а не крученой свечилин избило свечу от образования раньше при горении нагар, который портил свечу и заставлял салником много следить за ее горением.

Эти плетеные свечилин обычно изготавливаются на свечных заводах. Получаемая для этого пряжа поступает на фидельную машину; затем ее приплетают различными составами чтобы свечилин при горении лучше всасывала бы расплавленные жирные кислоты, а после этого уже начинается и самая «обливка» свечей.

Эту работу делают свечесотливательные машины. Они состоят из скороронок для расплавленного стеарина, свечных форм и «пистонов» для выделки острок головок свечей. Сквозь формы и пистоны пропускаются фитили. Расплавленный стеарин наливают в скоророки, из которых он распределяется по нагретым формам. Когда стеарин в формах застынет, затвердевшие свечи выталкиваются из форм пистонами при помощи особой рукоятки на машине.

Для ухода за 3—4 такими станками, вмещающими каждый по сто форм достаточно одного рабочего, который за рабочий день может отлить от 6000 до 8000 шт. свечей.

ОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ПРИБОРЫ ЗА ПОСЛЕДНИЕ
400 ЛЕТ

С В Е Ч И

Снимки «WIDE WORLD PHOTO».

После отливки свечи отбеливаются на воздухе, а затем полируются особыми — полировальными — машинками. После этого их пакуют по четыре, пять и шесть штук в одну продажную пачку.

Говоря об изготовлении стеариновых свечей, нельзя не упомянуть, что в СССР производство их также расширяется и следствием этого является пух Ньюского стеаринового завода в г. Ленинграде, производимого которого будет превышать 95.000 пудов стеарина в год. Свечи в провинции необходимы и на нее всегда есть большой спрос там где нет электрического освещения.

Итак, стеарин получается — из сала; светилась — из хлопка. А сало из чего? Из чего хлопок?

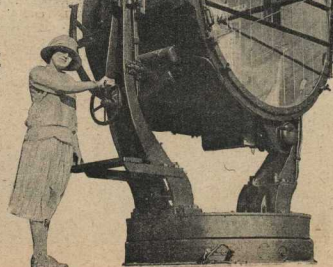
Как это ни странно, ро и то и другое — из растений. Что хлопок из растений — это мы уже знаем (см. ст. Я. Якубович: «Хлопок и хлопководство», «Смена» № 12 за 1925 г. стр. 18). Но труднее согласится что и сало — жир животных — тоже из растений. А между тем это так. Ведь для добытия стеарина берется баранье сало или говядий жир. А откуда его набрали бараны и скот? Конечно, только из пищи, т.е. из травы, сена соломы и зерна. Растения органы пищеварения перерабатывают в теле животных и становятся там разными его частями: костью, мясом, салом, кожей, шерстью. Растение есть источник всех этих материалов в теле животного.

Да, но откуда набрало растение этих материалов? Из земли и из воздуха. Оставьте зеленое растение без земли или без воздуха — оно погибнет.

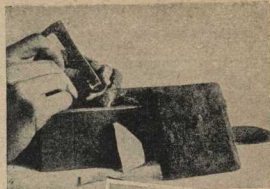
11. — НАШИ СОВРЕМЕННЫЕ СПИЧКИ удобны и безопасны. Это одна из простейших вещей, хотя прошло много сотен лет, пока люди додумались до них.

11

6. — КРЕМЕНЬ И ОГНИВО пользовались успехом еще во времена молодости наших отцов. Этот ящик — прибор для огня, употреблявшийся в XVIII веке. В нем находились кремль, кусок стали и кусок пережженной тряпки, называемой трютом. Рисунок показывает, как удар стали по кремню вызывает искру, заставляющую трют загореться.

7. — БОЛЕЕ БОГАТЫЕ употребляли вот такой прибор, похожий на пистолет. Кремль ввинчивался в курок, ударял по стали, и искра попадала в ящик так быстро что ветер или дождь не успевали ее гасить. Вынул пачку лючок с серными головками, которые загорались от тлеющего трюта.

8. — ПЕРВАЯ СПИЧКА, похожая на современные, была изобретена французом Шанселем в 1805 году. Она имела головку зажигающуюся, когда ее опускали в бутылку с кислотой.

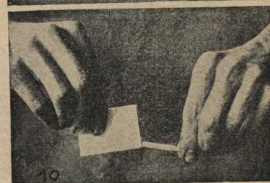
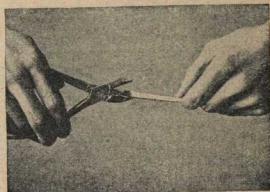
Однако, только зеленому растению дать сколько угодно воздуха и земли — оно все-таки тоже погибнет. Это будет тогда, когда мы надолго поместим его по тьму, лишим его солнечного света; будет это и тогда, когда мы его заморозим.

Итак, зеленое растение может использовать землю и воздух только из солнечного света и в тепле. Без этого оно погибнет. Без этого мы не можем получить ни шерсти, ни мяса, ни сала. Не можем получить ни травы, нет света, нет сала, нет и свечи. Если бы солнце потеряло силу давать тепло и свет, то прекратилась бы вся жизнь на земле: и жизнь травы, и жизнь животных, и жизнь человека.

Значит, все дело — в силе солнца, в его способности работать, его энергии. А свеча — есть кусочек его энергии, собранной на земле. И когда свеча горит, она только освобождает теплом и светом ту энергию солнца, которая собрана в маленькой белой стеариновой палочке с фитилем, которую мы называем стеариновой свечой.

А сжигание солнца, питание растений, преобразование растений в сало, добывание стеарина, горение свечи — есть только разные превращения вещества и энергии; только и всего.

СИЛА СВЕТА, НЕ СНИЖАЯСЯ НАШИМ ДЕДАМ: современный электрический прожектор, имеющий силу света в 5.000.000 свечей. (Современные Штаты).

9. — НЕМНОГО ПОЗДНЕЕ вошли в употребление спички, показанные здесь. Они были сделаны из бумажной трубочки и имели головку, состоящую из маленькой ампулы с кислотой и смеси, которая загоралась, когда эту ампулу разбивали ципцами.

10. — ПЕРВЫМИ ПРАКТИЧНЫМИ СПИЧКАМИ мы обязаны англичанину Джону Уокеру. По принципу, они похожи на современные, и загорались от трения волоки о шероховатую, посыпанную нескон бумагу. Стоили они пятачок дороже.

ПАРА АНГЛИЙСКИХ БУЛЬДОГОВ — собак, которые известны своей «мертвой хваткой». Бульдог, схватившего конец веточки зубами, можно свободно вернуть на ней на воздух, не боясь, что он сорвется

Вы читали «Белый Клык» Джэка Лондона? Если нет — прочитайте. Предостная книжка!

Белый Клык — имя собаки.

Этот самый Белый Клык встретился между прочим с бульдогом. Он часто дрался с собаками и всегда выходил победителем, но встреча с бульдогом... Произошло что-то такое, с чем Белый Клык никогда еще не сталкивался.

«...зубы Чероки (имя бульдога) вцепились ему в горло. Белый Клык неистово завертелся, стараясь стянуть бульдога. Исивший у него на шее бульдог приводил его в бешенство... Он метался по арене, вертелся, поворачивался и опрокидывался, стараясь стянуть пятидесятифунтовый груз, который точно присосался к его шее. Бульдог не оказывал почти никакого сопротивления, но только не разжимал зубов... Не было никакой возможности освободиться от этой «мертвой хватки»...

Белый Клык погиб бы, если-б один из присутствовавших не отнял его у бульдога. Разжать челюсти Чероки руками не было никакой возможности, пришлось проткнуть ему между зубами ствол револьвера и только тогда понемному раздирались массивные челюсти.

Бульдога, вцепившегося в тело, нельзя оттащить, нельзя оторвать руками. Может быть, вы и оторвете его от себя но... с куском собственного мяса. Вы можете бить его, резать, кусать, жечь — бульдог вас не выпустит.

Мертвой же хваткой хватают медведи и собаки медвежатников — «спякины». Медведь ревет, отбивается лапами, мечется из стороны в сторону, а небольшая собачонка висит на нем и не отпускает. Медведь, если достанет, может изорвать ее лапами, но челюстей собаки не разожмет.

Она не может разжать их. Точно судорогой сведены ее челюсти, животное временно потеряло власть над ними. Пройдет некоторое количество времени — челюсти разомкнутся сами. А пока — она

ИСКУССТВЕННО ВЫЗВАННОЕ ОЦЕПЕНИЕ: если взять курицу на руки, пригнуть ее голову к столу и провести по нему толстую черту мелом, начав ее от клюва, — курица будет неподвижно сидеть, уставившись глазами на белую полосу

висит на вас, крепко-крепко сжав челюсти...

Что такое эта «мертвая хватка» бульдога? Это один из способов самозащиты.

Мертвая хватка — один из способов самозащиты некоторых собак. Человек путем отбора увеличил эту способность и получал, в конце концов, такие породы, как бульдог.

Животное живет окруженное врагами, опасностями. Самозащита — необходимо. И одним из лучших средств самозащиты у весьма многих животных является оцепенение. Животное при виде врага перестает двигаться: оно замирает на месте, как говорим мы. Эта неподвижность выгодна вдвойне: она во-первых, делает животное менее заметным в общем, а во-вторых, для врага исчезает главнейший повод для преследования — движение.

А человек? Ведь и про него говорят, что он «оцепенел от страха», «замер на месте», что у него «от страха отнялись

МЕРТВАЯ

Н. ПЛАВИЛЬЩИКОВ

ноги» и т. п. Впереди смертельная опасность, надо бы бежать, не тут-то было — он не может сдвинуться с места...

Все эти явления родственны. Все они — дети одного из способов самозащиты, дети так называемого защитного рефлекса.

Вам попала соринка в глаз — вы моргнули; попала пыль в горло — вы поперхнулись, закашлялись... слюна. Все эти «моргнули» «поперхнулись», «выделили слюну», все это — рефлексы, т. е. ответы вашего организма на те или иные раздражения. И все эти рефлексы — врожденные. Никто вас им не учил; вы так и родились с ними. Есть другие рефлексы, сложные или условные; они приобретены, они — результат выучки.

Каким рефлексом будет рефлекс самозащиты? Понятно — врожденным. Ведь животное никто не учил «замираться на месте» — это случается также без участия его воли, само собой, как и выделение слюны на кусочек пищи, попавшей в рот, моргание, чихание и т. д.

Рефлекс самозащиты в форме оцепенения, в форме замирания на месте, потеря подвижности — чрезвычайно распространенное явление. Целый ряд животных теряет подвижность при приближении опасности. Целый ряд животных «притворяется мертвыми» при виде врага.

По ветке дерева ползет жук... Опасность... Он поджимает лапки и падает. Возьмите его в руки — он не шевелится, лапки и усики поджаты к телу. Вы можете подергать такого «мертвого» жука за ножку — он не обнаружит никаких признаков жизни. А у некоторых насекомых вы можете даже оторвать эту ножку и насекомое не пошевелится.

Можно и нарочно вызвать у животного такое состояние оцепенения. Возьмите курицу или петуха, посадите на стол, пригните голову к столу, проведите быстро толстую черту мелом по столу, начав от клюва птицы. Оставьте курицу — она будет тихо сидеть, совсем испуганная, и смотреть, не сводя глаз, на белую черту.

Резной рак также годится для подобного опыта. Возьмите его, положите на спину и придерживайте так некоторое время, не давая ему переворачиваться; после нескольких попыток передернуться — он останется лежать неподвижно. Можно и так сделать: поставьте рака на голову и на согнутые конечности, слегка подогнув его брюшко (шейку). В такой несударной и неудобной позе рак может простоять часами.

Легко падает в состояние оцепенения и наша обычная лягушка. Нужно только положить ее на спину, придерживать слегка ее передние лапки у груди, а задние — у живота и затем через минуту, другую отпустить руки — животное останется лежать без движения.

Если применить такой же прием к кролику, т. е. взять его, положить на спину

ХВАТКА

Снимки Н. ЯГУЖИНСКОГО

и придержать его конечности так, чтобы все попытки его встать оказались бесплодными, то иногда уже через несколько секунд кролик лежит без движения, с напряженными конечностями, застывшими в той позе, которую вы им придали. Стоит только ему повернуться на бок — все очарование рушится: кролик вскакивает и убегает. Но на спине он полегает несколько минут, и полегает совершенно неподвижно.

Много подобных опытов можно проводить с самыми разнообразными животными и всегда с одним и тем же результатом: животное, поставленное в крайнее непривычное для него положение и напуганное этим, цепенет и начинает шевелиться только спустя некоторый, нередко довольно значительный, промежуток времени.

Подобные явления нередко называют «гингизмом» у животных.

Какова же природа, каково происхождение всех этих явлений, что происходит в мозгу такого животного и в мозгу ли вообще кроется причина этого оцепенения?

Что в мозгу — объяснить не так уже трудно. Животное, лишенное больших полушарий мозга, уже не падает в состояние оцепенения. Жук, которому отрезали голову (он не сразу и вообще уже не так скоро умирает от подобной операции), перестает притворяться «мертвым». Он не видит — возразите вы — опасности. Не в этом дело, — жук притворяется мертвым, цепенет не только оттого, что он «увидел», он может оцепенеть и от щелчка пальца, а для ощущения этого щелчка глаза не нужны. И вот безголовый жук упорно «не хочет умирать», сколько бы вы его ни щелкали.

Итак — при цепенении, притворении «мертвым», происходит что-то в полушариях большого мозга.

Что же именно?

Происходит так называемое торможение, т.е. чрезвычайно быстрое и сильное задержание работы головного мозга, именно той его части, которая заведует так называемыми произвольными движениями.

ИСКУССТВЕННОЕ ОЦЕПЕНЕНИЕ У КРОЛИКА вызвать тоже легко: надо положить его на спину, — лучше на мягкое, — и он замирет совершенно неподвижно.

ПРИМЕР ЗАЩИТНОГО РЕФЛЕКСА — глаза, раздвоенный полумесяц в него изогнутым телом, начинают слезиться

Это задержание — в зависимости от силы и продолжительности раздражения — или ограничивается только двигательной областью мозга, или захватывает и иные его участки. Может оно охватить и только часть двигательных центров, — и вот тогда мы и имеем случай мертвой хватки булдога — он утрачивает только способность движения челюстными мышцами, а другие движения делать может.

Рефлекс самосохранения играет колоссальную роль в самозащите животного от врагов. Правда, бывают случаи, когда он как будто и является излишним, а иногда и вредным. Птица, оцепеневшая при виде змеи, легко делается ее добычей, но таких исключений мало, и — что самое главное — они только кажущиеся. Ни одно средство защиты не может годиться для всех случаев, всегда найдутся враги, от которых оно не помогает. Но если мы с вами изучим врагов данного животного вообще, то увидим, что враги, от которых рефлекс самосохранения оказывается плохой защитой, как раз не главные враги данного животного. Змея — не главный враг птицы, это враг скорее случайный, а от главных врагов это средство самозащиты всегда почти оказывается действительным.

Рефлекс самосохранения — [вот что представляют из себя и «хитрость» жука, «притворяющегося мертвым» при виде врага, и «смешная» растерянность курицы, которой черкнули перед носом мелом, и страшная «кровожадность» булдога, не желающего расстаться со своей «жертвой», и комичная поза кролика, застывшего лежа на спи не с растопыренными в воздухе ногами.

ЧТО ТАКОЕ МЕТКИЙ СТРЕЛОК

(Перенос со стр. 12)

2500 выстрелов. Здесь становится понятна важность ухода за оружием. Потому что при первой же раковине в стволе, образовавшейся из-за ржавчины, — стрельбная линия винтовки приближается к нулю. Она будет разбрасывать пули даже на близких дистанциях.

Наконец, третьей крупной неприятностью является уклонение пули в сторону от действия нарезов (деформация). Для того, чтобы уменьшить это явление, пулю делают с винтовочными нарезами внутри имеем нарезы: проходя по ним пуля приобретает вращательное движение и в полете как бы вывинчивается и в воздух. Вот это вращение пули, значительно уменьшая разбрасывание, имеет все-таки отрицательные стороны: под его действием пуля нашей трехлинейки отклоняется вправо от цели. И, главное, уклоняется настолько серьезно, что на дистанции свыше 1200 шагов им нельзя пренебречь: при стрельбе на 3200 шагов наша винтовка будет выстро на 16 аршин.

Вот видите, как трудно метко стрелять: и пришел правильно поставить, и деформацию прими во внимание, и все-таки нельзя быть уверенным, что разбрасывание не подействует! Но это еще не все. Мы перечислили трудности, зависящие от винтовки, но, кроме них, есть еще трудности, зависящие от внешних условий и от стрелка.

Как по навету, действующему на пулю, пуля летящую с большой скоростью, настолько, чтобы это не мешало меткой стрельбе?

Оказывается, что не только такая крупная величина, как ветер, но даже температура воздуха оказываются на ней. Вот данные наших официальных таблиц: от повышения и понижения температуры на 25° Цельсия при стрельбе на 3200 шагов пуля отклонится по высоте на 30 см вверх!

А ветер?

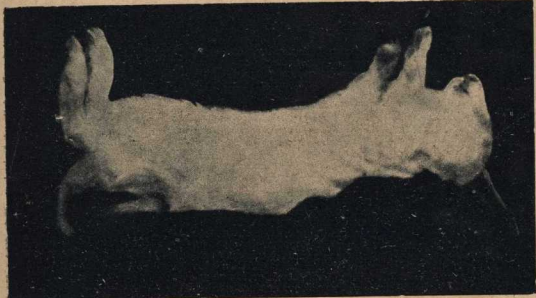
Ветер еще хуже. «При дистанции в 3200 шагов пуля уклоняется в сторону от сильного бокового ветра на... 80 шагов». Правда, что на такие большие дистанции практически метко стрелять мало кому удается, а для близких отклонения гораздо меньше, но забыть о них стрелку нельзя. Даже на 600 шагов — реальную снайперскую дистанцию — сильный ветер может сдвинуть пулю на несколько десятков шагов в сторону. Это больше чем достаточно, чтобы промахнуться по голове, показавшейся в бойнице.

Все это приводит нас к следующему положению: наша старая точка зрения, крайне недостаточно навести мушкет на цель, чтобы сразу попасть в нее, оказывается в ряде частных случаев верным только для небольших дистанций при отсутствии ветра. Часто, чтобы попасть в цель надо наводить мушкет не в эту цель, а в некоторую точку, где-то в стороне. Это звучит несколько неправдоподобно, особенно по отношению неподвижной мишени, но становится ясным при стрельбе по движущимся целям. В самом деле, когда стрелок хочет попасть в бегущего зайца, он естественно прицеливается не в него, а в то место, где будет этот заяц в момент, когда пройдет пуля.

Искусство стрельбы и состоит, в конечном счете, в умении учесть все обстоятельства при выстреле, приписать к ним винтовку и попасть в нужную цель вопреки всем мешающим обстоятельствам.

Потому что чисто-технические навыки стрельбы, зависящие от самого стрелка — умение плавно спускать курок, не дернуть; умение верно, не сваливая, держать винтовку; правильные положения при стрельбе и правильные прицеливания — придут сами собой во время практики.

Вот основы стрелкового дела. Программа обучения составляется таким образом, чтобы охватить все стороны этого дела. Каждый обучающийся должен пройти: знакомство с винтовкой, теорию стрельбы, уход за винтовкой, прицелку и спуск курка, стрельбу по станной дробинкой, тоже с упора и с руки во всех положениях, стрельбу уменьшенными зарядами и, наконец, боевую стрельбу. После этого обучающийся совершенствуется на тренировках в составных. Женщина в стрелковом кружке участвует на равных правах с мужчиной, но обучение останавливается главным образом на стрельбе из малокалиберной винтовки, пистолета и револьвера.

ПИСЬМО, КОТОРОЕ ДАЛО

М. ПОПЕЛЮХЕР, рисунок В. СТЕЕВА

МЫШЬ

ОБЕ ПАРЫ нашей коммуны считались супругами—без всякой регистрации в ЗАГСе. Рыжий Ваня называл себя мужем Нюсы Хромой, а Самуил—Медведь—моим мужем.

Работая на одном козаводе, состоя в одной ячейке и имея одинаковые убеждения, мы спали вместе, попарно на кровати, и ничего безнравственного в этом не находили. К этому обязывала и площадь в 1½ сажени, на которой было двух коек никак поставить нельзя было.

Ничего грешного в нашем сожизнестве и не могло быть, так как женственности во мне было по-только, поскольку мои длинные и курявые лохмы с вечно расстегнутой грубого шпильки Нюсы Хромой тоже ни в какой анкете никогда не принадлежала к женскому полу. Мишу мы звали Нюсей Хромой за умение копировать походку и голос двоюродных нашего дяди—Нюсы.

Мы жили очень дружно. Нюсиных семейных драм до приезда моего мужа Самуила из очередного отпуска не было.

Он приехал в воскресенье и нарушил наш покой на расвете.

Он привел с собой корзину с грибами и потирающиеся известие.

Открыл корзину, Самуил начал:—ребята, белге мене, сидайте семь шкур, угоните меня и злым ману, но не ругайте. Хотя ее отец владел бакалеино-фруктовой лавчонкой, а сама она не мешанкой породы, но и влюбился. Зовут ее Саррой, а фамилия у нее Марьянс.

В доказательство своих слов он показал нам карточку. С карточки на нас безучастно глядела длинноногая девица, сделавшая по приказанию фотографа умное лицо.

Ни один из нас не ожидал от Самуила,—хорошего товарища и комсомольца,—такого индивидуализма и такого неадекватного поступка, из одного белья, мы, познанные его поведение, бросились к корзине и, выбрав себе по несколько грибов, стали клеить его позорное изображение.

...Влюбиться—начал рыжий Ваня, справившись с группой и встав на стол.—Влюбится в такие молодые годы, когда жизнь наша нужна революции и когда буржуазия со всех

сторон протигивает к нам свои лапы, влюбиться в эпоху социалистического строительства... в которой—представительству умещено в метрику торгового капитала? Влюбиться без разрешения нашей коммуны? Где же тут дисциплинированность? Я предлагаю...

К этому времени я тоже сел свои грибки и не дав разойтись Ване, стал его со стола.

—Косоландий!—крикнул я.—Значит, ты меньше меня на какую-то чил, на недорешенную юзманку? Измисник, неужели, нет девчат на нашем заводе? Чем плохо красавица Маня, лучшая корреспондентка нашей стеной, или бюристка Бера? Разве ты найдешь более активную бабу по всем районам? Ренеет социализма, куда делось твоё классное чутье и где твоё хвалёное профессионализм, и неужели ты думаешь, что я смогу спокойно спать, когда между нами ляжет эта недорубленная когниа с длинными ногами?

Больше у меня не хватило слов для крытия и я уступил место Нюсе Хромой.

Оттого, что Миша спешная и давила грушею, из его речей смогло расшифровать только последнюю фразу:

—Отвечает ли Сарра тебе взаимностью? Самуил, огорченный страстностью наших реплик, тихо начал заикаться и бормотать:

—Сарра, конечно, ничего... безусловно придется ее... безоблачивать, конечно, писем-мисии образ... так как, зная психологию ихнего племени, я о себе сказал что я, конечно, заведующий складом... Если мне удастся, конечно, отпечь сватаногого к ней жесика... то я безусловно останусь победителем состязания...

На этом кончилились наши речи, и с этого момента дух Сарры стал витать в нашей коммуналке.

Все выкрогмы, которые Самуил прибрел в отпуск, он занепоно терл

На работе он утратил жар с красками. На занятиях политурижа он делал вид, что партерзды для него один пустой язык.

Союз рабочих и крестьян, если когда-нибудь и касалось, то только его. Самуила, а теория перманентной революции для него была не частное, как религия, дело.

Никому из нас это же могло нравиться. Мне тем более. Доклас спать, мы обыкновенно заключали колдоговор вытисгивать в виде вычеркнутой из алфавита буквы «й». Самуил же с тех пор стал нарушать это и, разбрасывая руки и ноги делал из себя «х». Кроме того, мне приходилось ловить туманы, предзнаменующие Самуилом во мне, очевидно, жениху Сарры, а иногда и от прикосновения мокрых губ Самуила к моим просыпался и слышал при этом нежные заклинания...

Личную наклонность, мое терпение. Я решился на крайнее средство и перешел спать на пол...

После одного длительного и бурного собрания по возвращении домой я первый обнаружил присутствующий под дерьком ковер.

Я чистил и медленно прочел название нашего улицы, номер дома, имя и фамилию «медведя». Когда я прочел последнюю строчку—от Сарры Марьянс, у всех что то екнуло.

—Медведь,—крикнул я—с тебя калым, ты нам сейчас слышнее.

Самуил протестовал. Он говорил, что в чреве матери ненавидел эти развратные движения. Но мы решили письма не отдавать без купца.

Рыжий Ваня и Нюса Хромая возмущались, что Самуил, как чужак, от подсолнечного масла. Я взял свой великий грёбень на манер губной гармошки и, дирижируя письмом, мы заставили его под звук нашего импрессионистического оркестра подымать свои плавные сапфы.

Он плылся как грузовик по изрытой дороге. Он потел, как никогда, на сдельной; просясь пощипать, но мы были безжалостны.

Линия тогда, когда преджитоварищества буюно, как хулиган, заступал в двери, говоря о высленении какой-то телой компании, и когда медведь с бессмысленным взором, платаясь, заливил нам о том, что если у него когда и были сомнения насчет шарообразности земли и ее вращения, то сейчас они исчезли,—ляшть тогда я вручил ему письмо.

Глаза его блуждали, и, прочитавший и бесконечно любимым Самуил—он поперхнулся и передал его мне.

Почерк письма был чрезвычайно домашний, но я читал легко:

«Милый и бесконечно любимый Самуил...—тут я тоже остановился, чтобы посмотреть, какое впечатление эти слова производят на моих слушателей.

Согласившись со всеми на том, что ни одна комсомолка за всю нашу жизнь не обывала нас так ласково, я продолжил чтение.

Сарра писала о том, что она опширала себе куры киятком, отчего дрожит перо, что ненавистный жених прихотил еженедельно и приницит шоколада. Она писала о своем согласии расстаться сесс, жинивший путь Самуила и, если нужно, то она готова мыть полы и стирать грязное белье, чтобы заработать себе на жизнь. Она просила у Самуила разрешения приехать к нему и выпрыгивать из котлет отца, которого назвала вапниром трудящегося класса. Кончалось письмо словами: «Вся твоя Сарусечка».

—Какое отсутствие мешанства, какая беспредельная преданность трудящимся, какая принципиальная застенчивость,—издавал рыжий Ваня.

Сам «медведь» ничего не говорил; он протаволял сверх программы еще какой-то, наверно, африканский танец. Он потирая письмом, как скальпю, воображаемого противника и кричал: никогда в этой счастия не выпущу, сейчас же пишу отел!».

При общей (за исключением меня) застенчивости от него ей писало...

Сарра сделала—концерт с фирменным блиском:

Бакалеино-фруктовая торговля А. П. Марьянс и К. С.—Фирма существовала в 1921 г.—

—ждал нашего прихода подверье...

Мы все с нетерпением расселись послушать письмо. На сей раз почерк был разбросан, а потому читал Самуил.

«Многоуважаемый остопоп и болван! Кто вам дал право делать такие гнусные предложения? Разве у моего отца этого такой большой магазин, чтобы я, его единственная дочь, стала чернорабочая на заводе и записалась в комсомол? Разве для этого уучался в гимназии и имею 300 чертенок в кармане, чтобы стать вальс-женщиной? К чему вы мне саяли, когда мой жених почтенный коммерсант? Я не нуждаюсь, чтобы Ваня товарищ уступал мне всю половину кровати, потому что я надеюсь после свадьбы иметь дуще-салубную постель. А если вы будете приставать ко мне и мой хороший отец будет оскорблять, то мой жених на нас подаст в суд. И вообще, что за мерзкая и нахальная выдумка,—никогда никакого письма я вам не писала.

Презирающая нас Сарра Абрамова Марьянс».

Самуил вертел письмо конверт, пробовав его мягкость и вынул чинил глаза. Мы тоже потеряли дар слова. Имя, мое мнение оттолкнуло первого письма было наиболее вероятное, потому что «медведь» сжал кулаки и с криком: «деряните меня а то я его убью»... бросился на меня

Но достаточно было моего напоянения о свободе слова в Совете республики чтобы он сперва остановился, а затем стал прилежно помогать Рыжему Ване и Хромой Нюсе смеяться и толке, как все,—держался за бок и вытирал слезы.

—Сволочь—сказал тогда Самуил,—зачем ты бил ей руки киятком? Что же другого я могу сделать, чтобы не было подозрительным различие почерков?!

В ту же ночь я перешел обратно в кровать. Прирак Сарры больше не появлялся в нашей коммуналке.

Цена №

„С М Е Н Ы“

25 коп.

